

Смена

Двухнедельный военно-физкультурный журнал ЦК и МК ВЛКСМ
для советской молодежи.

№9

АВГУСТ-1941.

XVIII

ГОД ИЗДАНИЯ

Рисунок И. Авакумова

За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом и
клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и
своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь белорусский народ в раб-
ство коварного фашизма.

(Из присяги белорусского партизана).

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ?

Вышеписка школы ФЗО И. Терещенко, Н. Калмык и Г. Жалдык пришли на один из московских заводов, чтобы заменить ушедших на фронт формовщиков. Юные патриоты работают с большой любовью, сменное задание они выполняли по полтора—два раза.

Замечательная пионерка уродилась в колхозе имени Тельмана, в одном из прифронтовых районов. Быстро и без потерь убирает ее колхозники. «От нашей работы в тылу зависит победа на фронте!», — говорит юница из них. Правосходно работает она и на лучших станциях. Выедут сельсоветы Маргарита Николаевна Шалыте. Выедут с подружками вышла она в поле на уборку богатейшего урожая.

Никогда на Московском заводе шифробаллист станков не работала с такой любовью, как в эти суровые дни войны. Чудеса трудолюбия совершил показывающий и самые молодые рабочие. Комсомолец Владимир Митюшин выполняет до четырех норм.

Нет таких профессий, которые бы не могли овладеть советские девушки. Хорошо знает о шахтах метро Розу Хавокскую. Эта замечательная девушка прекрасно справляется со своей сложной работой. Она—один из лучших машинистов на электровозах.

ЛЮДИ НАШЕГО ДВОРА

Женя Неведов, смело тушащий зажигательные бомбы, награжден медалью «За боевые заслуги».

У зажигательной бомбы довольно противный голос. Стоишь вину и задаешь до ее падения слышишь этот синяющий визг. Первая бомба, которую я услышала, увидела и потушила, упала метр за три от меня. Она взрвалась в землю и несколько секунд лежала черная, не подавая признаков жизни. Я, было, подумала, что это бомба замедленного действия, но тут она начала шипеть, трещать, пыхтеть,— словом, делать все то, что полагается делать «звонякакам». И я ее потухшим звалом волею и засыпала песком.

Да зарастают вода и песок! После этой моей первой бомбы, которая покорно затихла под горной песком и струей воды, и окончательно уверовала в их чудесные свойства. Раньше я знал о них только теоретически.

В эту ночь в нашем доме тушили бомбу самым разнообразными средствами. Одна бомба была потушена... валеком. Есть в нашем доме один хладнокровный человек. Он скептически верит только в то, что видит собственными глазами и ощущает собственными руками. Бомба, которая не ступала за его голову, для него не существует.

Он не был дежурным и поэтому решил учиться спать в маленьком переставном сарае. Он улегся на кровать и, не обращая внимания на все окружающее, уснул. Его разбудила бомба, которая угрожающе прыгнула и упала на спину его кровати. Он проснулся, схватил попавшийся под руку старый валеком и стал хладнокровно вытаскивать бомбу из сарая во двор, валеком же навалил на нее песок. Тут подошли дежурные и потушили бомбу.

Хладнокровие — хорошая штука, но сидеть в сарае во время воздушной налета — вещь малоприятная для себя и для окружающих. Тут эти бомбы валеками тоже не рекомендуются.

Наш жилец, сохранив все свое хладнокровие, изменил, однако, после этой ночи способ борьбы с бомбами. Он отворил валеком и, вооруженный оловятой и шлангом, стоит теперь по ночам на своем посту.

Что я раньше знал о жителях нашего двора? С детства лет мы привыкли называть всех «дядями» и «тетями». Вот дядя Вася, Василий Васильевич Васильев, добрый душой и добрым сердцем, бродячий шутник и весельчак. Сейчас я встречаюсь с ним по ночам, и это совсем не тот «дядя Вася». Правда, шутки он попрежнему и никакая бомба не помешает ему докончить какую-нибудь забвину историю, раз уж начал он ее рассказывать. Потухит бомбу, полетит ее сверху валькой для верности и как ни в чем не бывало спросит: «Тек на чем-то остановился? Васильев Васильевичу 56 лет, он работает в сапожной артели. «Дядя Коля», Николай Дмитриевич Тимофеев,— начальник домового пожар-

ной команды. Днем он работает на заводе, ночью дежурит по двору. Когда он спит, никому не известно. Это человек, не знающий страха и усталости, не знающий, что такое плохое настроение. Как мог я раньше не видеть всего этого? Раньше он мне казался самым обыкновенным человеком.

Ночью он заболел, ночью у него поднялась температура, начался озноб. Все кругом уговаривали его уйти с поста в убежище, хотя бы немного поспать. Не за что! Так он и не ушел, всю ночь протоял вместе с нами, а утром отправился на работу и даже слышать не захотел о болезни.

Мессовет выдал ему премию за самоотверженную работу. Все во дворе радовались этой премии.

Может быть, люди и не изменились. Они остались такими же. Просто пришла время каждому проявить свои лучшие качества.

Изменился наш двор. Совсем недавно мы играли здесь в войну. В кустарнике прятался штаб, в подвале приволакивали снаряды, посреди двора, у палисадника, разыгрывались жестокие схватки. Это происходило как будто совсем недавно. Все мы были тогда пятки—шестиклассниками. А теперь я перешел в восьмой, Юра Шуваев работает на заводе, Витя Ковалев изучает романское училище, Валя Прышников — товарь, Егор Васильев, бесценный наш консультант и командир,— на северном фронте, младший лейтенант.

Все мы, мальчишки, раньше часто собирались по вечерам в каком-нибудь закулке двора и мечтали вместе, что все мы уедем в Красную Армию, попадем в отличное боевое отделение и вместе будем сражаться. Мы говорили об этом, и самым этому не верили! А ведь почти так случилось! Только не все мы всею двором бежали на войну, а война пришла в наш двор. И все мы стали бойцами.

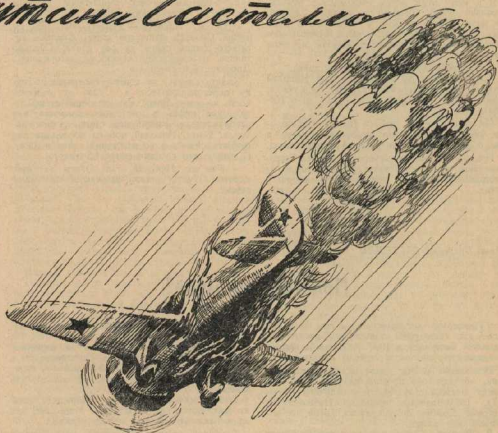
ЖЕНЯ НЕФЕДОВ

Полковник Дмитрий Гастелло

«Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло, Смирдя пражской элитки попал в бензиновый бак его самолета. Безстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки вражеских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

Эти строки мы прочитали на пятнадцатый день государственной войны в сообщении Советского Информбюро. За этот подвиг летчику Гастелло присвоено звание Героя Советского Союза.

Придет время, его соратники подробно расскажут о его боевых заслугах. Сейчас они знают друг из друга делов. Пусть же сегодня расскажем о нем самым близким ему людям: отцу Францу Павловиче и жене Анне Петровне.

Франц Павлович ГАСТЕЛЛО

С огнем сроднился.

Фамилию нашу правильно писать «Гастелло». Это потому, когда и в тысячу девятьсотом году приехал на заработки в Москву, меня по-московски стали называть «Гастелло». Московский ямочник нашего белорусского клочка. Происхождение наше из родной деревни Новогрудок, деревенька Плушкины.

Сырая земля в тех местах: очень много крови впитала. В девятсот сороквосьмидесяти и в трагическую тоже фронт был, как теперь. Я все думал, нашу деревню срыснаны с землей. Нет, стовит. Летом перед войной Николаю случилось над теми местами летать. При-
слал письмо.

— Ну, папа,— пишет,— вчера Плушкин с воздуха разгадал. Только очень высоко летел. Вот какими они показались мне,— я вижу кружочек обвел.

Всегда любил попутить. Но заметное му-
тит, а самому приятное, что увидела, наконец, отчий край (он этих Плушкин и не знал до того, он в Москве, на Красной Пресне, фол-
дом).

А Ворону не увидела. Ворону в революцию, наверное, сожгли. Имяне было. Там на папской конюшне моего отца и мать сидела в крепостное время. Там и я самолуду багачил.

Если б не папские мучительства, отец больше бы жал. У нас в роду все долго живут и болеть не болеть: лесовики, лесная порода. Мне пошел шестьдесят восьмой, а я ни слезно-
прогуга не сделал и ни разу болеть не бред.

Вот умер отец, и, как в сказке говорится, осталось после отца три сына: Вынешель, старший, Михась, средний, и я, Франц, младший. Разделились по достояние на брата. Это и с голоду не помереть и слез никогда не будешь.

Пришлось младшему котому за плечи— и в Москву, судьбу искать.

Я свою судьбу подле вагранки нашел. Больные двадцати лет проработал на Казанской железной дороге в литейных мастерских, состоял при огне. Сначала странно было: казалась, ал. Потом приловчился, поирак-
лось.

Искры брызжут. Чугун в ковши пошел. Белой стужей хлещет. По-моему, ничего краси-

вее нет. «Свято дело— чугуи»— такая среди рабочих поговорка была.

И сыны мои, Николай и Виктор, с детства приучены были не бояться огня.

Николай, как подросток, тоже в литейную с-
ределился, к огню поближе. Сначала стерже-
нщиком, потом формоваль стал. Я из вагранки слышу, а он формует, металл от отца к си-
ду вливает.

Понабашил, сидим, он просит:
— Теперь расскажи, папа, как вы с Лениным одной артелью работали.

Очень любил слушать про это.

А я, перво, с Владимиром Ильичем работ-
тал вместе на субботнике. Первые субботни-
ки ведь с нашей Казанки пошли.
Каско стали мы убирать в чеху хлам, вид-
ным, привезли Ленин. Не а пальто, в курточке коротенькой ватной и в vareжках, как рабочий. Выглял нам подсоблять Ульябейся.
«Дружней», говорит,— дружней. Для себя стараемся теперь, сами хозенять».

А в двадцать первом дали мне Героя тру-
да. Чествовали хорошо, подарили костюм си-
ний, тройку. Он и сейчас шел, костюм, хоть
двадцать лет прошло. Я его берегу: память.
Надеваю редко, а год раза три: на Октябрь-
скую революцию, на Первое Мая и когда
Николай— он летчиком стал— в гости при-
езжал.

Он хороший был сын, заботливый. Приедет,
сейчас же на Ленинские горы берет меня гу-
лять. Сидим там на траве. В небе кружат
самолеты. Николай рассказывает:

— Это востребовал, папа. А это бомбарди-
ровщик. Я летаю на таком.

— А странно тебе,— спрашиваю,— там, на-
верху?

— Сдается:
— Сначала было странно, потом прилов-
чился. Когда работу любишь, страху нет. По
себе знаете.

Его партия в воздухе послала, летчиком сделал, — по партийной мобилизации в школу шел. Знал: и в воздухе будет мой Николай примерный коммунист.

— Степной? — Франц Палович, — было, скажет секретарь паркома. — Хоть и молодой, а уважение его всех...

Он у меня до партии еще в комсомоле грелся. А когда двадцать справился, стал Николаем коммунистом. Мне, отцу, приятно: вышел сын в люди.

Я к нему этим летом собрался в отпуск. Сколько годов Николай в авиации служил, ни разу у него не был в чужой. Он в день своего рождения, в начале июня, прислал нам фотографию и напоминание: «Пусть же папа привезает, ждем».

А двадцать второго обвешался война. Когда сказали радио, что наш Николай горел, все было у репродуктора, все семья. Какое утро мы слушали, не будет ли у Николае вестей.

Полетали и на работу пошли. Жена — на фабрику, дочь — на лесную работу, а мы с младшим сыном — на своей военной завод.

Пришла я, никому ничего не сказала, затаил свои вены. Пока тогда, будто оттого и сердца. Потом перед ночью сел и смотрю в стов.

Анна Петровна ГАСТЕЛЛО

Полетай со мной!

Двадцать лет прожил я с ним. И за все эти годы один только раз расстался надолого. Было это в 1932 году, когда партия послала его учиться в летную школу. — Вспоминаю сейчас нашу жизнь, и кажется мне, что вся она прошла на аэродроме под аэмом флажками стартера, у посадочной буквы «А». Неожиданные приходы. Неожиданные встречи. Долгие дни ожидания, когда же кажется: вот летит!..

В Донбассе, от земли, которую когда-то Ворошилов со своими шахтерами зачищал от немцев, отгоралась и полетела Николая. Он работал с утра до вечера без передышки. И вот он привезает в Москву, и на петлях по четыре треугольника. Он pilot.

Началась наша военная жизнь. Товарищи его все радуют в потребительную. Какой молодой пилот не мечтает об «стребках»? А Коля не мечтал. Твердо знал: его место на многomotorной машине.

Ночью частые учебные тревоги. Кажется, будь я на месте Николая, слюна голову помылась бы дьявом. А он встанет, посмотрит на часы, оденется, и все это споконно, не поворачивая. Потом узнаю: Коля у своего самолета первый.

Удивительно хорошо чувствовал он время. Это, должно быть, осталось с той поры, когда он работал хронометристом на завод.

Бывало, вернется с аэродрома вечером и сразу за письменный стол. Раскроет книгу, тетрадь... На его столе была чернильница из алюминия. Николай вытирал ее сам после каждого перелета в Америку. Вокруг земного шара летит чужеземный самолет, а внизу стоят самолеты в ожидании. Этим он хотел сказать, что волею за Чикаговым городом к подвигу и другие советские летчики. Чикаго был его любимым городом.

На стене перед столом висела настенная карта мира. Николай вытирал ее сам после каждого перелета и речью и в ожидании и дороги.

Иногда он прося меня:

— Полетай, Анна, со мной... покажет пальцем, а сам отвернется, как честный школьник от шпаргалки. Спрашивай, какие по пути есть ориентиры.

Когда спать ложился, всегда напевал «Любимый город может спать споконно». Иногда заснет, и слышу в полутьме голос: «... может спать споконно». Это значит: Коля закончил трудовой день.

Но ему самому не часто удавалось спать споконно. Однажды осенней ночью 1939 года

«Эх, Николай, — думаю, — сыночка мой, горел, сорвал в огне...»

Вспоминаю тут, как мы с матерью просили его не идти в плен.

— Не слышали, Козленка, — прожала мать. — Остерегайся, не садись на вражью землю. А если пойдешь тебя, ты из револьвера сядь пулю на них истрати, в посуюсь тебе стоять.

Улыбался Николай.

— Скажете, мама, такое (и нас обожь, как малых детей, к себе пригнул). Зачем это я буду садиться на их территории, партона трогать? Я другой выход найду.

«Ну же, Николай, — думаю. — Не зря ты погуб. Сколько фашистов сжег! Сколько гонок фашистского раж за извел! Сколько танков и самолетов немецких затеряно!». Дорогая твоя смерть!»

Ходит, слышу, за спиной товарищи по пеху, перетариваются, а я глаз от огня отвести не могу. Вижу, как огненный столб летит, как нефть в цистерках запалала, как расплавленная фашистская сталь речью текла. Вижу, Николай мой из последних сил ружьею сдвигает и не зажмурил глаза в дым.

С открытыми глазами встретил смерть.

— Так их, Николай, так! Отнем их, проклятых! Пусть пелом разлетится по нашей земле!..

Николая подняли с постели, а утром мы увидели опустевший аэродром.

Только через четыре месяца он вернулся. О нем никто ничего не слышал. Но посмотрела в его споконные, веселые глаза и поняла: спрашивать бесполезно, все равно не скажет, как воевал.

Того же мелком, со слов товарищей, узнала, как битвы они в далекой Монголии, как вели тяжелые машины между сопками.

Глубокой ночью, под утро, снова спрена подняла Николая. Подождал, сказал:

«У меня в правительственную командировку. Родителям ничего не пиши. И улетел».

Мы часто всматривались в небо: не летит ли? И вот апрельским утром авдид: летит!

Летит с севера боевые эскадрильи. Выбежала из квартиры и смотрю. Корабли изменили походный строй, уже гулят над городами. Другие женщины побоялись на аэродром встречать. Я не пошла. Воялась: а вдруг не вернулся, не найду его машины среди других?

Он не вернулся. Спокойный, лицо красное, слезами не мокрым, ознем обожжено.

Снова ничего не рассказав.

— О чем же говорить? Τι же газеты читала...

«Лето 1941 года застало нас под Смоленском. Николай получил эскадрилью легких бомбардировщиков. Это просто сказать: эскадрилья легких бомбардировщиков! Бездель все эти годы он летал на тяжелых самолетах, привык к ним. А тут надо заново учиться».

Вечерами полонил сидел над картой, изучал свой район. Чаще обычного говорил:

«... полетай со мной!»

Вместе мы изучали новый район его работы, и радостью мне было, что помогаю летчику Гастелло узнавать новые места.

«... полетай со мной!» — аэтом человеком, всегда рядом, где бы он ни был.

«Двадцать первого июня мы смотрели картину «Фронтовые подруги». Возвращались домой поздно. Зимой, у него в памяти возникли из стужей зимней войны».

Пришли домой.

«Ты меня завтра часов до девяти не буди: да, летать и радом с этим человеком, всегда рядом, где бы он ни был».

В путь утра его дождава твояго. В полдень я услышала речь товарища Молотова.

Потом пришел инженер эскадрильи: поздравил Николая своим. Часов у него было

две пары. Ручные в полет не брал: остроум авиационной перчатки мешал смотреть.

— Какие часы проси каинтат?

— Карманные. Ну, значит, в полет!

Только в одиннадцатую ночь вернулся домой.

На третий день войны утром сидим с сыном Витей за завтраком (Николай на аэродроме проводил авдид. Витю Витея к сестру).

— Мама! Самолет какой странной! Из кухни соседка бежит:

— Анн, стрелочник скорее! Что у него черное в небе?

И тут же очередь по аэродрому. Это был фашистский разведчик. Налетел, стал по женщинам и детям бить, хотел этим отвлечь авдид. Витю Витея к сестру.

Постреляла женщина — и к аэродрому. Мы, женщины, в щели укрываемся.

Слышим: сидит и сидит из пулемета. Странно! Откуда, откуда предмет заговора, наш Понкович минут пятнадцать, бегут мимо женщины, кивают мне, улыбаются:

— Подозриваем. Твой муж немца поиди. Фашист налетел внезапно. Наш аэродром перед ним, на ладонях.

Понкович акрирал:

— Стреляйте! Тогда выдти: один человек вылез из своего самолета — и в кабину стрелка-разлета. Застучал пулемет. А кабиня стрелка открыта, сверху человек виден весь, удобная мишень.

— Написли! — кричат. — Написли, Гастелло! Он стоит по весь рост и вращает пулемет.

Вечером мы, женщины, обступили Николая: — Расскажи да рассказки! Откуда вылетел, куда улетел, как воевал.

Когда гости ушли, я пристада к нему:

— Нет, ты должен мне объяснить. Он подумал, положил руку на стол, сказал кулаком:

«Вот так и в душе все сообразос. Поняла?»

«Двадцать шестого июня он не вернулся из полета. Командир усложилась мена».

— Вернется. Он на нашей территории сел. И в то же день приказ: женам отлетать в тыл.

«Как же я? Он вернется — мена дома нет. Кто же его снова в полет соберет?»

«Я хотела в лесу спрятаться, переждать, пока все жены уедут. Потом решила: нельзя, опасно».

«Да, да. Москва я ничего не знала о муже. На станции Мичуринск, когда должны были передать свободу Информбюро, мои женщины заволаговались, занушались».

— Анна, пойди начесть билетов унай (а после кассы не было репродуктора). Пойди, милая, пойди.

Я вернулась, вижу: все плачут.

Чувствую, что-то неладно, что?

«Летчик, который нас сопровождал, стал пропасть».

Вдруг подошел к моему Вите, обнял я руку ему подождал. И быстро так повернулся, увидела я, что он не увидел, как вернулся.

Приехали в Москву. Мне Настасья Семеновна открыла. Я взглянула на нее и... поняла: — Мама!

— Да, Анечка, да! Обнялся и заплакал обе.

Вель он третьего июня погиб. Значит, тогда, после двадцати шестого, вернулся, как командир авдид. Вернулся домой, а квартира пуста, нет никого. Может быть, перед своим полетом оставил записку на столе. Все бы, кажется, отдала, чтобы зря записку, его последний привет, увидать».

— Полетай со мной, — говорит мне когда-то Николай, сидит в нашей комнате у зеленого свистка, отодвинула стул, чтобы зря записку, его последний привет, увидать».

Трудно было идти утешение в море горы. Я пришла его. Нашла у изголовья раненых летчиков, в госпитале.

Днем работала. А вечером, когда прихожу к себе в комнату, слышу стук в дверь. Там фотографировал Николая, как меня возвращает: мотать: вернуться в войк, к людям, которые сражались рядом с Гастелло, которые, как и ял, готовы отдать свою жизнь, чтобы вечно жил советский народ».

Добровольцы на фронте

Их было четверо. Четверо закаленных друзей, занимавших одну комнату студенческого общежития.

Это была веселая комната. Директор-распорядитель в ней завладел Михаилом Соколовым. Миша правил в комнате единолично, и товарищи беспрерывно ему подчинялись. Он любил хорошую шутку. Иногда он издавал приказы.

«С сего дня установить во верхней мне комнате семейный уют, для чего завести домашнее животное, имеющееся в просторной кошкее, в количестве одного (1) экземпляра».

Так жили четверо друзей, четверо студентов Московского историко-археологического института комсомольцы Виктор Ковальчук, Валентин Ставицкий, Евгений Трофимов и Михаил Соколов.

Их называли неразумными. Но осенью 1939 года когда подошло от Ленинграда затрепанные первые выстрелы, веселая комната в общежитии на Андреевской набережной опустела. Двое из четырех — Евгений Трофимов и Михаил Соколов — вместе с другими студентами Института отправились добровольцами на фронт.

В Москву будущие историки возвращались повзрослевшими и возмужавшими. Но ни один из них не спланировал перед трудностями военных будней, ни один не растерял запаса юношеской жизнелюбности. Попрямую директорствовал и издавал свои шутливые приказы Миша Соколов, допрашивая окопом выполнял их Женя Трофимов, хотя на лашке еще сиделка и сверкал теперь божьей орденом Красной звезды.

В январе этого года Трофимов покинул столицу Института. Он ушел в аэвакуацию. Товарищи провожали его сочувственно, но без зависти.

— Ладно, пока что мы будем делать свое дело, — сказал Миша, — но подождем.

Полдень 22 июня 1941 года застал троих друзей — Виктора Ковальчука, Валентина Ставицкого и Михаила Соколова — на практике в Киевском государственном архиве.

В два дня закончив все дела, трое друзей ринулись в Москву. Их возраст не был равным, их никто не приглашал в воинские части, но они пробрались в Москву с единственной целью — как можно скорее надеть военную форму.

Они приехали как раз вовремя. Меньше чем через сутки после их приезда отправлялся на фронт первый московский коммунистическо-комсомольский полк добровольцев. Работа приключилась к товарищам. На дверь веселой комнаты обязанности повесили влобок бумаги: «Закрыта до окончания войны». Все ушло на фронт».

Шел бой. Вой, типичный для современных методов ведения войны. Людей не было видно, но фашисты чувствовали в ход высокую военную технику. Михаил Соколов из-за реки не мог разглядеть, как действующая советская танки, но в гуде сражения ему показалось, что он угадал их наступательное движение, и это успокаивало, вселяло уверенность.

Командир его группы, фамилию которого он не мог позвать, окрикнул его: «Ловись!» Это было как раз вовремя: они подхватили уже к самому краю рваного поля. Михаил упнулся рядом с капитаном. Выпотока его провонял, как в станок, легла на маленький бугорок.

Напротив, из лесочка, безостановленно строчил вражеский пулемет.

Наша задача — тихо звал капитан, — уничтожить этот пулеметский. Но подождем минуточку. Выждите?».

По оврагу с удивительной быстротой двинулись две человеческие головы. Ни плеч, ни даже шеи не было видно. Только каски, несшиеся вперед.

— Мотоциклист! — шепнул капитан. — Направляйтесь в обход наших... Но с той же скоростью повернулись и стали приближаться. Потом показались плечи, и вдруг из оврага вынырнули обе фигуры фашистских мотоциклистов с автоматами за плечами.

— Сидеть! — снова раздался над ухом Михаил шепот капитана. — Я — первого, вы — второго.

Два выстрела грянули одновременно. Гуды мотоциклистов неуверенно вильнули, машинам заглохло, затем они тяжело рухнули на землю.

Капитан в Михаил взошли вместе. «Еще раз!» — крикнул капитан. Все группа бросилась бежать.

Непрерывно, захлебываясь, трепал вражеский пулемет, посылая тысячекратную смерть бегущим. Они не замечали ничего. Первым добежал Михаил. Так вот он, этот убийца из неизвестный, проклятый враг! Группа уже бежала вперед, к опушке, туда, откуда слышимым вливом сыпалась пулеметные очереди фашистов. Михаил дождал товарищей и они отступили вперед, рядом с капитаном.

Вдвоем они подбежали к опушке. Пулемет вдруг смолк. Михаил с наставленным штыком подскочил к пулемету, седлающему человеку, в ужасе прислонившемуся к могучему стволу совы.

По земле не шлопада трещащими ногами на ветви и сучья, спускался мальчишка лет семнадцати и плачущим голосом повторял:

— Герр капрал! Герр капрал!..

— Слезай! — бешеным голосом крикнул капитан. — Слезай, идиот!

Вражеский капрал и его безусого помощника вместе с захваченным пулеметом а сопровождающих трех красноармейцев отправили в штаб. Остальные отправились на соединение с основными частями.

«Отделение вновь двинулось в наступление. Тактика части в те дни заключалась в том, чтобы короткими атакующими рыжками почаще тревожить фашистскую линию обороны.

В наступление первыми шли здоровые бой-

цы. Михаил не мог не восторгаться их ловкостью, умелостью, хладнокровием. Под градом пуль они действовали точно и бесшумно. Институтские добровольцы старательно подражали им.

Один гримасы выстрелил, свистя воздух и земля дрожали от разрывов. Красноармейцы под прикрытием редких кустиков поляны попластуражи, свивались с землей. Михаил чувствовал, что его голова бродит змею. Чуть вперед него полз товарищ по Институту Виктор Белынин, рядом, локоть к локтю, — аспирант Института Валс Самойлов.

До линии немцев оставалось метров тридцать. Сейчас ползла была разнесется команда «В атаку!» Соколов и Самойлов, переполая бугорок, одновременно перевалились на левый бок, и в это мгновение Михаил услышал приглушенный стон товарища: «Ой! Но я успел взглянуть на боевого друга, ибо в ту же секунду сам почувствовал острый ожог в правой руке и так же приглушенно вздохнул: «Ой!»

Услышал и оглулился Виктор Белынин. — Товарищ командир! — обеспокоено шепнул он. — Соколов и Самойлов ранены.

— Довести до санитаров. Войку Белынина сопроводить раненых, — быстро и тихо приказал командир.

Белынин повернул. Он сложил винтовку правой рукой, закинул их руины на плечи и поплыл, таша обоих товарищей в обратный путь. Ташить полком двоих раненых было очень тяжело. Виктор захлебываясь, нева выступил у него на губах, но он не останавливался.

И вот Михаил Соколов снова в Москве. Он возвращается на столик в его палате не переведящее чудесные букеты цветов: это студенты Института, еще не успевающие стать медальерами, сестрами и уехать на фронт, шлют товарищу свои приветия.

Но ни пощечине друзей, ни ароматные розы, ни любимый цветок Пушкина, ни самый внимательный уход не могут утешить Михаила Соколова. Он тоскуе обратно на фронт и обязателен в ту часть, где сражаются с фашистами его товарищи по бою и учебе.

Соколов а прощались, сколько и пропустил — горестно выдыхая, газирит он. В последние недели, впрочем, настроение Михаила Соколова стало улучшаться: врачи обещают надеть выстрелы его на башенки. — Может быть, отдохнете несколько днейок в своей веселой комнате? — спрашивают его.

Что вы, что вы, комманда закрыта до окончания войны... До победного окончания!

Рисунок Б. Васильева

Танковое подразделение старшего лейтенанта Юнково атаковало противника и прорвалось глубоко в тыл. Достигнув неприступной овражной позиции, танки подразделения Юнкова начали громить фашистские орудия. Давящих противотанковых пушек и одного 152-миллиметрового орудия были уничтожены семьдесят советскими танкистами.

(Из сообщения Советского Информбюро).

НАШИ ДЕТИ

О ком написать? Каждый день вспоминаешь в историю страницы героями. У обыкновенных людей вырастают из груди крики из выхри и пламени. Из-за черт лица, которые мы хорошо знали, мимо которого равнодушно проходили, внезапно зарываешься прекрасной, суровой облик героя. Клоуна выдает в великана, старика красавица становится рыцарем вышедшем. Нет сейчас места на нашей земле, где бы не проявлялся великодушная человечность, величайшая красота сердца, сверкающая великими героическими подвигами, о которых сообщают газетные сводки и радиопередачи, и подвигами, которые не горят огнем и кровью, не вырываются, как листовая ракета, подпрыгивающая к небу, но в которых заключается столько же мужества, самоотверженности, столько же глубочайшей любви, перед которой собственная жизнь значит меньше, чем дилемма, мимоходом становится ружья.

Особую страницу в истории героев пишут дети.

Безразлично, какую фамилию носил этот двенадцатилетний мальчик, как его звали. Таких, как он, появляется теперь много. Я пишу историю в том потоку, что как раз его историю, простую и поразительную, рассказывал мне кто-то.

Уже гудят по дороге немецкие танки. Вот-вот покажутся у околицы стальные каски. Слышишь украинские деревни, которые хорошо помнит Борису с немцами захватили с лишним лет назад. Поблизости лес — можно уклониться в зеленую чащу, притаяться, нападать выйдя на вражеские части.

Все мужчины убиты. Нет На зонштейн — а айда! На дороге пыль. И в облаке пыли бежит за верховьями двенадцатилетний мальчик. Партизаны уходят, оставляют его в деревне.

Детские руки хватаются за стволы, держащие пальцы вцепляются в конские гривы. Но как взять с собой в лес двенадцатилетнего, на долю которого выпала и на смерть, на Борису, в которой нужны силы мужчин и выдержка мужчин?

И все же жалеть этого мальчика, который, обманув словами, бежит за лошады, отчаянно цепляясь за стволы. Детское сердце равно до зла: не признали достойным партизанских рядов, не признали достойным взять в руки оружие. А он чувствует, всей душой чувствует, что и он может так же. Так же, как другие. И он хочет быть таким же, как другие. Людям бегут все быстрее. Босые ноги не выдержат по запыленной дороге. В горле отчаяние.

И вот кто-то, свалившись, наклонился с седла, подает небольшой предмет.

Назв гранату. Сиди а деревне, если что — давай звать. Зовем так и как. А если выведутся — лупи гранатой.

Слезь моментально объясают. Детские руки обхватывают холодный металл гранаты. Да, теперь все в порядке. Граната. Как у партизана. И поручение — как взрослому человеку.

Граната спрятана за пазуху. Двенадцатилетний мальчик идет, возвращается в деревню. Как торжачо — промолвил, только не обращает внимания на ребенка. Немцы еще не осматривались в деревне, еще осторожно задержались на окраине.

Мальчик приходит. В избе у дороги штаб. Суетятся немецкие офицеры. Часовые у дверей. За пазухой приколоченные мотыла. Маленькая граната осторожно проворачивает. Нет, граната никуда не делась, не слетела, за пазухой. А в избе, на окраине, деревни, немецкий штаб, немецкие офицеры.

Прежде чем они вынут гранату деревню, прежде чем вынут ее язык, убавить детское сердце, прежде чем вырвется из, о котором малыш хорошо знает, — прямо-прямо в то мгновение. Его голос не дрогнет, глаза не мрут, когда его резина колесов обкладает часовой. Он жестко понимает, что у него есть сообщение, дело штаба. Что ему непременно надо войти.

В дверь выглядывает офицер. На ломаном украинском языке спрашивает, а чем дело. Голое мальчика не дрожит. Он смотрит прямо в глаза офицера. Так и так, он хочет сообщить, где скрываются партизаны.

Его ведут в избу. Там за столом сидит шеф-стюар тот, длинноволосый карой, они трещат по-новому между собой. Глаза от карты поднимаются на вошедшего.

Так и так, Мальчик подсчитывает, применяет. Честь. Эпидемия, завладевает. Нет никаких сомнений, высшее офицерство.

За пазухой холодно приколоченные гранаты. Холодно смотрят детские глаза. Считают, рассчитывают. Как и куда надо полонить. Как надо сказать, что удалось. Он отвечает спокойно, рассудительно. Так, мол, и так. Ушли из деревни партизаны. Все до одного.

Борис ЛЕБЕДЕВ

Слово партизана

Я канюсь тебе, отчина,
Уходя на бой с врагом,
До победы над фашизмом
В свой не возвращаться дом!
Я канюсь не звать подлая,
Малодушия не звать,
Клеймешных свастикою тавод
Днем и ночью истреблять,
Бить их пухом и гранатой,
Выигнать дотла отнем!
Все, что хищниками взято,
Скорю мы с Лихвой вернем!
В каждой свистах все суровой
Я канюсь звать вперед,
До последней капля крови
Защищая свой народ!
Бить их пухом и гранатой,
За родную нашу землю,
Я канюсь тебе, отчина,
В битве смертью храбрых пасть!

Жесткие глаза нетерпеливо расспрашивают. Мальчик медленно, спокойно отвечает. Рассказывает целую историю. По-крестьянски, не торжественно, подробно. Чтобы успевать время рассчитывать. Чтобы успокоить этих за столом, если они случайно что-нибудь замолчат. Наконец, самый главный, он сидит посередине, машет рукой. Довольно. Он уже все знает — что ушли и как ушли. Осталось устно озвучить это.

Переводчик повторяет мальчику вопрос:

— Где партизаны?

Мальчик делает шаг вперед. Вот он уже у стола. Лицом к лицу с шеф-стюаром. Спокойно, недетским голосом он говорит прямо в лицо шеф-стюару офицером:

Партизаны вале.

И молниеносным движением выхватывает из-за пазухи гранату. Молниеносным движением в тех за столом. Прежде чем они успели скончить, прежде чем успели крикнуть, подала Лиховидка и закричала: смерть!

И с ними двенадцатилетний мальчик. Один за шеф-стюар. Его детское личико застывает в жесткие, суровые черты взрослого человека. На молниеносном движении гранаты.

Его не скрывают никакая мотыла, его не засмеет родная земля. Детское тело обращается в золотые пламя в сожженной кате.

Золотые пламя загорается нах украинской деревней пламенное отрясочное сердце.

И потому безразлично, как была его фамилия, каким именем звала его мать, когда он легал до ночи. Он один из сотен — этот герой, который самозабвенно загорается, который знает, понимает и умеет любить так же горячо, как взрослый человек. И умеет полюбиться так же прекрасно, как взрослый человек.

Лунной ночью, полной блеска и тени, ароматной, сладостной украинской ночью по

дороге едет машина. Далеко за лесом краснеет зарево, зажина горячая слава видимые облака заблуждают грузом во дни, это краснеет зарево в небе, далекий грохот заставляют помнить о том, что ароматная, сладостная ночь — это не обычная ночь. Это вопреки всему вопреки вопреки предостережения природы это ночь ужаса и крова.

По дороге движется большая черная машина. Поля серебритая от росы. Дорога из серебриного блеска вывадет в черную чащу леса. И тут сразу на отроке окрестности уже расклевывают дог. Им не больше, чем по пятидцати лет. Деревенские мальчики. В руках оружие — старые берданки.

Машины останавливаются. Осторожно, с недоверием думают они, ползая к автомату. При блеске месяца ясно видно, как шагают в их руках берданки. Крадучищимся движением, готовые на все, они подползти.

И тут сразу: глухая тишина на горизонте пожара, вдали монотонный непрерывный грохот. Черный лес, пустая дорога, и на пустой дороге блеская черная машина. Не видно, кто сидит внутри. Вылетают там дескток вооруженные в зубья злодей, все дог, до луны, быть может, кто знает что. Это может быть торжисно носущиеся вперед диверсанты, шпионы, немецкие офицеры.

И испуганно встает ослепавшим на лесу аскажывают дог, не больше чем по пятидцати лет!

Стой!
Мы останавливаемся. Торжисно отрываем диверту Торжисно причес выхваченные результаты!

— Пропуска!

Суровый детский голос. Конечно, мы показываем им: Малец при зинном теле анимательно, со сдвинутыми бровями читает. Возвращает пропуща. На детском лице облегчение. Теперь они уже спокойно разговаривают с нами. Их зовут мальчиков, клоуна и эту жуткую лунную ночь, полную шовота и валочных деревьев, глядят на роюющею зарево в небе, слышат далекий грохот и несут на своих плечах всю жесткую ответственность за этот отрезок дороги. Нервы напряжены до крайности. Воля напряжена до последних границ. Легко быть героем, когда не понимаешь, что такое героизм. Но эти двое героически продолжают в себе обыкновенный детский страх. Страх перед ночью, войной, страх перед неизвестным. Эти двое вопреки дрожи в руках шли выдерживать, что могло оказаться смертельной опасностью, что в их предельности, когда они выскочили из рва, и было опасно.

Мы уехали, оставив за собой этот карьер, двух двенадцатилетних мальчиков, которые с берданками в руках сторожат дорогу у своей деревни. Двух мальчиков, которые выскочат из рва, кто бы ни появился на дороге двух мальчиков, клоуна и эту жуткую лунную ночь, полную шовота и валочных деревьев, глядят на роюющею зарево в небе, слышат далекий грохот и несут на своих плечах всю жесткую ответственность за этот отрезок дороги. Нервы напряжены до крайности. Воля напряжена до последних границ. Легко быть героем, когда не понимаешь, что такое героизм. Но эти двое героически продолжают в себе обыкновенный детский страх. Страх перед ночью, войной, страх перед неизвестным. Эти двое вопреки дрожи в руках шли выдерживать, что могло оказаться смертельной опасностью, что в их предельности, когда они выскочили из рва, и было опасно.

Двое двенадцатилетних! А сколько их теперь, в партизанских рядах, которые выскочат из окопных деревень и последов? Сколько из, заменивших упешших на фронт мужчин, на оклик стой! получают пулю в сердце? Кто называет имена их ассы, знаменит реприни в местностях, само биевые сердца, пламенный прыжок, глубочайшая любовь.

Им их — леген. Наши дети — героические, выключенные из истории дети, которые с мужеством взрослых, с разумом взрослых бьются теперь за родную Деть, в крови которых горит любовь к свободе, дети, для которых слово «родинка» это не мертвое слово, а слово жизни, само биевые сердца, пламенный прыжок, глубочайшая любовь.

И их борьба — это наиболее убедительная документация нашей правды. И их борьба — самое страшное обвинение детей, которые в будущем историческом документе будут известны как герои, которые в будущем историческом документе будут известны как герои, которые в будущем историческом документе будут известны как герои.

Собственной кровью платят наши дети долг родины, которая дала им солонечное, счастливые детство, которую дала им полную свободу, кровью платят наши дети на полную весю, которую мужество, любовь и истина переняли на нашу историю.

РАЗУМНАЯ ЯРОСТЬ

Утром, когда принесли завтрак, хвятились, что бойца, на котлой лежал раненый красноармеец Большаков, пустя. В регистрационной книге пришлось отметить, что раненый Большаков самостоятельно отбыл из полевого госпиталя в известном направлении.

Тем же утром по время боя красноармейцы, ведшие огонь на передовой линии, заметили, что с тыла к окопам подползает фигура в баштах и марле.

— Здорово, ребята! — сказал как ни в чем не бывало забитый человек и, заняв огнемую позицию рядом с товарищами, начал деловито бить из винтовки по врагу. Это был Борис Васильевич Большаков.

После боя, за котлеком идей, на укоренное замечание полтригунка: «Что это за мода—из госпиталя удрать? Мы бы и без вас справились!» — красноармеец Большаков ответил:

— Не мог я, понимаете, там лежать, товарищ полтригунка, когда наши дерутся с фашистами. Простыня подо мной горела. Доже злой я выгнел.

Боевой полтригунка Атрошенко сказал нам: — Я участвую в в первой войне. Я много раз видел ярость народа на войне. Но такой, как сейчас, ярости и не встречал. Это не просто беспредельная ярость. Это разумная ярость.

«Разумная ярость» — этим превосходным словом полтригунка Атрошенко выразил одну из глубочайших черт отечественной войны, всю душу народа, ведущего решительный бой с фашистами.

Эта священная, разумная ярость, странная для врага, рождает изумительную боевую активность советского воина. Неистинное возрастание боевой активности каждого бойца — вот ведущая черта, которая бросается в глаза всякому наблюдателю нашей армии на полях великой битвы.

Миллионная армия может идти в бой и иметь успех. Но идти успехом невозможно, если сердца бойцов холодны. Боевая активность — этот творческий дух армии — рождает коварную победу.

Старшина Лозовой в бою был тяжело ранен в обе ноги и сразу же потерял сознание. Очнулся он, когда два финна, схватив его за руки и за ноги, тащили в свое расположение.

Старшина возмутился:

— Я что же, мертвый, чтобы меня, как мешок, в плен тащили? Нет, извиваясь, я еще живой и сейчас вам это докажу, голубчики...

Лозовой вцепился зубами в руку одного из солдат. От боли и неожиданности белофинны бросили пленного. Тогда старшина выхватил у растерявшегося врага пистолет и застрелил его.

Второй белофинне пустяки науток. Окровавленный, тяжело раненый старшина пополз к своим...

Боевая активность — это значит в плен живым не сдаваться, а биться до последнего дыхания.

Боевая активность выражается в суворовском качестве каждого бойца «попымать свой маневр», в бесстрашии при выполнении своего маневра.

Место пулеметчика Дроздова — в надежном и прочном укрытии ДЗОТ. Здесь безопасно. Здесь его не достанет ни пуля, ни мина. Но во время боя Дроздов почувствовал выгоду более широкого разлука действия.

— Тесно мне, размаху нет, горизонта...

Дроздов выставил свой пулемет на открытую позицию на вершине ДЗОТ и повел огонь во все стороны.

Любовь к штыковой атаке, к гранате, к ближнему бою — один из проявлений боевой активности наших бойцов. Артиллерист-установщик Сагаев, чеченец, в мирное время учитель, говорит:

— Люблю бить, чтобы видеть, как падает враг. Уважаю прямую заволку.

Но боевая активность заключается не только в отваге и мужестве, в выносливом героическом подвиге: она и в умении переносить невзгоды, лишения, повседневные трудности войны и походной жизни. Она в той знаменитой терпеливости русского солдата, которая известна всему миру и которая превозмогает любые преграды.

Рота лейтенанта Перушина, ведя бой три дня была без сна и два дня не ела. Но не

потому, что нельзя было вырвать минут минут для еды или подвести пилу под огонь. Четыре раза кухни подходили к передовым. Но гулши отсылали в котле. Старшина Русин приходил в отчаяние.

— Борщ протый! — кричал он в промежутке между пулеметными очередями.

— Отвалный, никогда. Не виднись, работаем? — отвечали бойцы, лежа в окопах.

Только после победного окончания боя бойцы отведали борща и гуляша.

...Это было на командном пункте роты, в маленькой землянке, накрытой поваленными соснами, в которых стекала светлая смола. Вокруг стоял грохот боя. Связисты кричали в полевые телефоны. На голый земляный стене висел небольшой портрет Сталина. Ефрейтор Николай Федюченко, получив боевое задание, сказал, взглянув на портрет:

— В бою думаю о нем. Иду в атаку со светлой головой.

Никогда не забуду нам этих слов, сказанных советским воином перед атакой. Со светлой головой, с воином сознанием великой цели встал наш народ на священную отечественную войну.

Он знает, что защищает великие завоевания социализма. Вот поэму с каждым днем войны растет боевой дух советской армии, подобно тому, как сталь закаляется в огне.

Да здравствует разумная ярость!

Действующая армия.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Артиллеристы ведут огонь по врагу.

Снова грозное небо, как в песне. И востские шешелы на железнодорожных путях. И лица вокруг — молодые, сосредоточенные, с сурро скатым грим.

«Уходим комсомольцы...»

Уходим на отечественную войну.

В строю струю самолетов, в мерном громе: ханы танков, скорым походным маршем идут и идут, чтобы закрыть дорогу врагу, чтобы заслонить собой родной дом, родную.

И подняв их на фронте вскоре становится сами пестрей, так как не было в истории Ленинского комсомола, не было в жизни советской молодежи ничего более героического и возмущающего, чем участие в великой битве с фашизмом.

1

Огненная завеса бою протанулась от Ледовитого осязда до Черного моря, и земля фронтовой полосу сделалась сырой от кроши и серой от снарядных осколков.

Сражение, в котором участвуют миллионы массы, не улетит ни на минуту. Много часов подряд люди не выпускают оружия из рук. Бессонные глаза их воспламеня, губы переохла, гимнастерки почернели от пота. Но они забы-

вают об усталости, потому что в сердцах их все ярче разгорается священное пламя, все злее ненависть к врагу и напряженнее ярость битвы.

Сержант Крючков занимал со своим отделением выгодную позицию на высоте, преграждавшей путь врагу. Фашисты стремились во что бы то ни стало овладеть высотой. Отделение Крючкова вступило в бой с пулемета, метко поражая фашистов. Бой становился все ожесточеннее, и пулемет Крючкова до того накалялся, что желал стало стрелять. Тогда сержант отполз к другому пулемету.

Враг наседал. Бойцы еле успевали набирать дышки для своего командира. А сам Крючков качался от одного пулемета к другому, ни на минуту не прекращая губительного огня. И все чаще и чаще падали фашистские солдаты.

Выдержка и отвага сержанта Крючкова, его умение драться с врагом решили исход боя. Фашисты в конце концов не выдержали и в беспорядке отступили назад, оставляя трупы солдат, оружие, снаряжение.

Но если всяк вдруг боевой огонь? Если внезапно кончился в пулемете патроны?

Так случился с комсомольцем-пулеметчиком Побережником. В самый разгар боя немел его

верный «Максим» и фашисты с горестно-ужасным воем хлынули на укрывшиеся.

— Пуметчик! Выйди живьем!

Шестеро дюжих солдат навалилось на Побережника, крутят ему руки за шиву, гнут к земле.

Но комсомольцы упали, силеи. Скляны зубами, молелью, но адрокших от напряжения носом поднялся Побережнок, таща повисших на нем, как шивны, врагов.

Внезапную руку. Страшный удар кулаком в висок, вытолкнул Окму, отвалился один фашист. Замертво встал за ним упав другой.

Глубоке воздухоуд пулеметчик, расправил плечи, могучим рынком разбросал остальных. У побитого им немца проворно водхвяти вынотую. Сивит, промерзши в воздухе сприворские зигзаги плоский штак.

Немцы привали штыковой бой. Четыре против одного.

Трех фашистов Побережнок заколот штыком, четвертый бросился на него сзади, рванул в руку и обезружил:

— Славный, русский!

Пулеметчик молча ринулся на врага, ударил его всем своим тяжелым кистетным телом, шиб и ног.

Он возвращается в траве между трупов, скользит в лужах крови, тесно переплетая руками и ногами. Пальцы Побережника, целясь, за бешлага немской куртки, всполохит все зыме и выше — к горлу. Напрасно извивается фашист, напрасно пригнет к груди подбородок: железные пальцы с хрустом смываются вылетом на его горле. И шестой фашист отправляется догонять своих товарищей.

2

Народные советские герои, как и породивший их народ, бессмертны. Они живут и будут вечно жить в славных делах своих подражателей.

Несколько лет назад во время боевых действий на границе красноармейцы, наблюдая блестящую работу наших бойцов-директоров, восторженно кричали:

— Чкалов это! Чкалов!

Это не был Чкалов, это были его ученики, молодое поколение авиаторов, усвоивших его стиль, подражавших его отваге.

Великий летчик нашего времени не дожил до войны. Но можно ли не вспомнить о Чкалове, узнав, что любящий ученик его и воспитанник Герой Советского Союза подполковник Супрун за подвиги в бою с германским фашизмом награжден второй медалью «Золотая звезда»? Можно ли не вспомнить о Чкалове, узнав о подвиге старшины Тогина и лейтенанта Хроменкова?

Тогин встретил в лоб атаку немецкого летчика. С головокружительной быстротой сблизился для самолета. Кто признает себя побежденным в этом дерзком поединке? Кто раньше отвернет штурвал?

Тогин не спускает глаз с врага: «Врешь! Не уступлю дерзкой Саше!» — не уступил!

Может быть, в этот миг Тогину вспомнился встреча Чкалова с Егором Байдуковым, когда, ткнув нервы для будущих побед, они вот так же схлестнулись в воздушные и ослепительные подняли самолет вверх, чуть было не коснулись колесами?

То была игра. Это — азарту. Не зря ился в Тогина, а командир, подлый, трусливый враг.

Рисунк Е. Ветрикова.

На войсковую часть, находящуюся на марше, неожиданно напала группа вражеских танков. Бойцы немедленно развернулись и вступили в бой. Сержант Мамедов подполз к танкам и сложил гранаты овал на ствол командирского миномета противника. Это внесло панику в ряды наступающих. Атака врагов была отбита. (Из сообщения Советского Информбюро.)

Взлету на Запад...

И когда «стребоек» Тотмина и «Мессершинт» немца отделило несколько метров, фашист не выдержал и лег на крыло.

Трус на войне обречен. Тотмин мгновенно переделал свой самолет на другое крыло и плоскостно, как бритвой, срезал плоскость «Мессершинта».

Фашист рухнул вниз. Нервы лейтенанта Хроменкова выдержали еще более невозможное испытание на прочность. Из-за облака появились три фашистских истребителя.

Хроменков сжал зубы:

— Собака, из подворотки бросается! — и выстрелил. Вдруг несколько пуль пробили фюзеляж, бак. Перед ним вспыхнуло яркое пламя. Хроменков с трудом перевалился через борт и бросился вниз.

Фашистские истребители заметили летчика, перешли в шик и, приближаясь, начали обстрел из пулеметов. Хроменков упал не раскрывши парашюта. За ним с ревом неслась аэробитаила. Земля приближалась. Казалося, еще мгновение, и парашютик и самолет улетают о землю.

Чьи нервы окажутся крепче? — Кто выдержит «Мессершинт»? Врево, они вышли из шик и, в ту же минуту Хроменков раскрыл парашют. Желтеющее поле, маленький перелесок, букая железнозакорюжного сторожа были совсем под ногами. Приземлившись на краю оврага, Хроменков потрогал куликом в небо и пошел в сторону своего аэродрома.

А издалека богатырскую силу и удивительную волю к победе проявил недавно младший лейтенант Маширов. В бою были перебиты управление руля глубины и стабилизатор самолета, на котором Маширов летел стрелком-радистом. Самолет потерял управляемость.

Тогда Маширов потрогал руками удерживать руля глубины. Это удалось.

Иррациональный самолет летел очень медленно и добрался до своего аэродрома только через два часа. Маширов за все это время ни на минуту не отпустил руки от руля. Он не слышал звука рева мотора: так шумело у него в ушах и так громко билось сердце. Из-под ногтей от неволевого напряжения выступила кровь, и рули, оповещенные на рулях, вестершайм блонн.

Когда самолет приземлился и к нему бросили дежурные на аэродроме, Маширов лежал неподвижно, продолжая держать руки на рулях: он потерял сознание.

3

Сильный дух боя продолжает поддерживать слабейшее тело, острейшая, заглужая самую мучительную физическую боль. Все внимание, все чувства сосредоточены на другом: на стремлении победить.

Оседлом мимы красноперейку Гальчинскому вышибло глаза. Он приник к земле, рукой инстинктивно зажал рану. Все померло перед ним, кровь стекла между пальцев по лицу.

Белая струйка немские пулеметы. Потом он услышал над ухом ободрающие слова. Вот забитые руки санитаров кладут его на носилки, вот маршёр осторожно и быстро спируют кровь, заглаживают лицо.

— Один глаз не задел...

Гальчинский открыл уцелевший глаз. Перед ним снова возникла знакомая поляна, кусты и сросе пята между кустами адылере. Пятно дыгалося: немецкий солдат делал перебежку.

Последним усилием Гальчинский вскинул винтовку, прицелился, и серое пятно, разукрашенное мелькавшие перед ним, застыло пригвожденным у куэта. То было последнее, что видел в этот день огнелюбивый боец. Туман подступил вплотную к носилкам, и раненый не ощущал уже, как укрывался в траве, санитары выносили его из полосы обстрела.

И так всеплощающее это вдохновение бойна-патриота, для которого всего дороже победить, ушел в бож, что не только рану: смерть встречает он с горделивым презрением.

Он умрет! Ну, что ж! Зато будет жить 'его народ. И боец умирает достойно и просто, как жил на своем посту.

Ночью из города, к которому приближались фашисты, раздался телефонный звонок. Что-то трещало и хлопало в трубке: наверное, эхо канонады. Молодой выволочивший голос произнес:

— Говорит с городской почты. Нас здесь семеро: шесть комсомольцев и один беспартийный. Запишите наши фамилии (он выткнул и медленно перечислил фамилии). Сообщите, куда съезжают, что шесть комсомольцев и один беспартийный работники до последней минуты, не вышли из города, погибли на посту...

И уже замолк голос, и стихли хлопки и треск в телефонной трубке, а те, кто слезали в перерывной будке по эту сторону фронта, с адылереми глазами, с комом, подкатившим к горлу, старались проглотить себе конец семи героев.

Все семь — шесть комсомольцев и один беспартийный — собрались у телефона. Лица их бледные, решительные. С колебаниями покоченно даvano. Надо же кому-то остаться, чтобы поддерживать до последнего мгновения работу связи! Не хотелось умирать от подлой фашистской руки, сердце неудержимо рвалось к своему! Но победил над врагом требует жертв.

На то война. Победа будет! Победа придет!

А над окнами уже слышались грохот фашистских танков и лязгача команда немецких офицеров.

— Последние мгновения, товарищи! Проститесь же друг с другом — и над столом, где стоит телефон, протыкаются и смыкаются в крепком до боли пожатии руки, семь рук.

Тяжеле шаг на лестнице. Дробный стук в дверь. Стучат, наверное, прикладами. Властный голос:

— Откройте!

Вот и концы, друзья! Прощай, родина! Жива!

В районе Н. партизаны напали на отступающие части противника. Минирове дамбу, проложенную через болото, и взорвав мосты, партизаны открыли непрерывный огонь по немецкой пехоте. Фашисты потеряли свыше 100 солдат убитыми и ранеными. (Из сообщения Советского Информбюро.)

ПАРТИЗАНЫ

Партизанские отряды возникают быстро. Вот фашисты приближились к живописному украинскому селу Н., славящемуся своим изобилием и богатством. Еще вчера вокруг села зеленели фруктовые сады, полями сохривала прекрасной урожай. Развалила жадная огромная стада породистого скота колхозных ферм...

Откуда все это фашистам? Пожорились немцами и шары, которые летели в своем ожесточении. Ни одна деревня не осталась в безопасности. И колхозники яростно уничтожают свое добро, находят ценной огромных трудов. Они скашивают нездоровые хлеба, сбивают с ветвей деревья заваливая их, режут скот, поджигают фермы. Все жители села: старики, дети, женщины — уходят в дремучий лес.

Ветером в село входят фашисты. Они голышом, злы, обрваны — нездоровые дети и подростки украинской деревни. Топчут они по пашуток! Но ни в одном дворе им не удается найти ни куска хлеба, ни стакана воды. Весь хлеб вывезен, все колоды завалены. Фашистам не на ком даже выместить свою злобу, в селе не осталось ни одного живого существа.

Тем временем в глубине леса уже собирается на свой первый сбор только что возникший партизанский отряд: Ильяш, Максим В., помещик колхозного садовода Иван М., одиозный зоотехник Гаврил Н., птичник Шура Д. Командиром отряда принимает владельца колхозной пашуток, старший Михайлович К., который участвовал в партизанской войне с немецкими оккупантами в 1918 году; тогда партизанский отряд, которым командовал матрос Приходко, оперировал в этих же местах.

Вооружен колхозный партизанский отряд пока не богато: у колхозников всего 10 винтовок и несколько гранат. Но молодежь не упускает: она грабят дома, собирает запасы вооружения при первой же встрече с немцами.

И вот наступают боевые крещеные «летучие отряды» — так назвали свое подразделение партизаны. Настук В., пробираясь, шепотом ушами к колхознику, слышит, как немцы на почт, доносит командирю плотнику К. — Фашисты у фермы. Силт. Таков нет. Ова пушка и два пулемета. Двое часовых...

По команде командира двадцать человек партизаны молниеносно обрушиваются на врага. Раздаются выстрелы. Гремят разрывы гранат. Немцы предпологают, что их окружила крупная военная часть, они героически...

Ихкой боевой схватки решен — немцы разгромлены, партизаны захвачены богатые трофеи: много автоматов, два пулемета, патроны. Все это бережно уносится в лес. Теперь отряд обеспечен боеприпасами и может приниматься за решение более сложной тактической задачи. Не станет дело и за пополнением: из всех хозок по «летучему отряду» стекаются добровольцы, жаждущие получить оружие для борьбы с врагом.

Кто знает дело войны скроеного работника кооперации, который теперь прославился под именем «Дед»? Этот человек работал за прилавком, мерил метры сита, отвеивал хлеб и сахар — вот и сейчас идет с собой все, что можете его существовать. Организованный «Дедом» партизанский отряд стал подлинной грозой для фашистов. Он уже уничтожил несколько немецких танков, захватил группу немецких мотоциклов, уничтожил на бойцкой протяжении телебашню и телеграфные провода. Одно имя «Дед» приводит в ужас хваленые германские генералы.

В другом районе партизанский отряд возглавляет бывший секретарь райкома партии тов. К. Этот отряд за короткий срокстребил несколько фашистских автоколонн с боеприпасами и горючим.

В третьем районе партизанский отряд был

создан старшим конюхом колхозника, который забережал группу людей, умеющих сидеть верхом, и раздал им коней из конюшни колхозного отдела. Этот коневладельский отряд был очень ловким. Как бы стартовали немцы поехать в западню, им это не удалось. А партизаны тем временем беспощадно стреляли немецких солдат и офицеров.

Вот Иван Сусанина стал классическим. Народ шло так чтит память отважного котроиского крестьянина, который звал врагов в непроходимые дебри, чтобы их похитить и привезти к обрзу Сусанина, сядясь с ним. Он стал родным и близким каждому из нас. Но вот оказывается, что полков Сусанина жив не только в памяти народной: он повторяется в боевых делах партизана. Дело было на Украине. Мимо одного из лесов проходил немецкий кавалерийский отряд. Им повстречался Ваня С., самый юный из партизан «летучего отряда», бывший инженер-органосамоуадов.

— Стой!

Малыш послушно остановился.

— Присяжайте, ты большевик! — воскликнул унтер-офицер, заглянув в свой походный словарь.

Ваня С., сделав испуганное лицо, пробормотал:

— Нй, пану! Нй, пану!

Унтер-офицер подумал и спросил:

— А не знаешь ли ты дорогу в город?

Ваня С. обрадовался, но не подал виду и с дальним безразличием сказал:

— Я же дуб Дюбура знаю.

Унтер строго сказал:

— Веди нас! Только смотри, если обманешь, получишь вот это... — и он потряс револьвером.

Ваня С. повел немцев по известной лесной дорожке. Лес становился все гуще. Немцы начали тревожиться: куда приведет их этот парень? Унтер-офицер то и да оставалось стоять и поучал с револьвером в руке.

— Шли дубто. Наконец, уже в сумерках Ваня С. вывел отряд немецкой кавалерии к опушке леса. Вперед ступили тонкие ботинки.

— Теперь сюда... хлалозисконо сказал Ваня С., указывая в сторону болота.

И в этот же миг затрещали выстрелы, загудел пулемет. Лошадки немецких кавалеристов паравалили в сторону и уехали в болоте. Ловкий проводник явился немцам прямо к засаде партизан.

«Недаром известный шведский военный публицист Альфонс Брант пишет в газете «Ланце» следующее:

«Все говорят о том, что русские ведут партизанскую войну дьявольски искусно. Русский солдат оказался способным к партизанской войне, преуспевая в индивидуальных действиях. Немцы недоучиваются, что эмалда война, выдвигалась за линии основного фронта, текла жестоко и приносит огромные потери.»

Потенциальный командир в одном партизанском отряду видел не только русский солдат, а весь народ — от подростков до глубоких стариков. Вряд ли даже самый артистичный военный наблюдатель признал бы в солдатской массе, участвующей им так в схватке, образчик себя на верную смерть. Вряд ли можно приписать ли солдатам мирного человека К. из украинской деревни Н., который собственными руками разорвал в воздухе созданный им мотострелками «колонну» на даче в Б. Житомирской области, который вывел из антарштау немецким танкам с криком «Смерть фашистам!» и метнул под гусеницы толковой танковой машины вышибив крышку из бокса с морсом, уцелевший от пожара, — чтобы из кружки морса не осталось фашистам, — и присоединился к партизанам.

— Отдельные герои выделялись во все времена. Но особенность нынешней войны состоит

именно в том, что сейчас, как никогда, героизм становится массовым явлением.

Вот история героического и трагической истории о том, как оборонялся от врага маленький, а было очень тихий и мирный город В. К этому городу прорывались крупные формирования немецкой авиации, это атаковали с воздуха. Смертоносный град бомб обрушился на город. Фашистские летчики швыряли свой город куда попало: первыми приехали ударные роулеры бомбардировщиков, бомбили с высоты города и испугались бомб. Они мужественно тушили пожары, уничтожали очаги огня.

Тогда немцы ушли бомбардировать. Им казалось: должны же быть прорывы в линии своей выдержки! Зависательные бомбы падали на каждую крышу. Сильный ветер раздувал пламя. Деревянные строения возмалили, сгорели в порох. И все-таки люди не прекращали своей выдержки. Город удержался и на этот раз отстоял от гибели.

Несколько дней продолжалась эта страшная война героизм. Немцы первыми отказались от ее продолжения. Умалда, что жители В. не давали запугать бомбежкой, они бросили в атаку на город крупное войсковое соединение.

Вынаде был авасаж десант. Несколько десятков танков, сотни бронетехники, авиационных вертолетов. Их встретило большое количество гранат, оружием которого были бутылки с бензином; бензин разваливал по бутылкам на вывороченном заводе. Немцы метались вперекрестки, бегавали, забросали вражеский отряд. Большие полоним танков сгорело. Мотоциклистов сбивали эти же бутылками. Десант был уничтожен.

Но героизм не был самым главным. По стратегическим соображениям, наши регулярные войска вырвалили линию фронта и не могли сохранить за собой город В. Само же очелочие не могло бы длиться, если бы оборонялись только против В. гаскуду артиллерии, танки, моторизирующую войска.

И все мужики города ушли в лес, а женским отрядами. Старши, дети, женщины также покинули родине дома ушли в лес, не зная, что немцы бросили фашистские летчики. Они расстреляли бегущих инвалидов, женщин, детей, думая теперь замучить жителей В., сломать их волю к борьбе.

Но воли советского человека не ломает: он лишь напрягается как пружина. Как молниеносный ответ на эту варварскую расправу, прогремели взрывы в оставленном городе. Лишь только немцы вступили в его опустевшие улицы, их ошалоило явление: весь город горелся, горели нефтяохранилища, взрывались склады.

Немцы пытались пробраться через реку по мосту, который казался им чудом уцелел за роулом В. Там, вблизи моста, шестыми с горючим, отряды мотоциклистов ворвались на этот мост. Но в тот момент, когда фашисты уже готовы были подорвать себя с уничтожением легкой переправы, сумка партизана, привалявшая под мостом, подождала брызнувших штурм — и вся железная машина вместе с безымянными героями взлетела в воздух.

Партизаны выжили, но в этот момент им победно им опасались, что если бифордов штурм будет долже гореть, немцы заметят дымок и сумеют предостеречь взрыв...

Весь народ возлет с фашистами, и немцы в чужой местности, в незнакомой войне, тогда пририну позитиве изумительных побед партизанского оружия.

За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе против фашистских формирований, комсомолец Отделом Краевой авиации награждены партизаны-комсомольцы Герасимова, Кирюков, Куляков, Руденко; медалью Юва Отвага награждены партизаны-комсомольцы Иван Шубенок, штурм Герасий Зеленин и Павел Строчко.

ГАЛЕРЕЯ УГОЛОВНЫХ ТИПОВ

На один шарлатан, изобретатель универсального средства от всех недугов, ни одна тенная фирма накануне банкротства не прибегают к такой бесстыдной саморекламе, к такому безудержному бабальству, как нынешние фашистские правители страны. Тысячи гражданоупоитель захлебываются их речами, тысячи тонн бумаги измараны их писаниной, в которых разнаколюбивые «фюреры» вещают о своей сверхчеловеческой силе.

Что же они в действительности, эти страшно злобные в себе и зрелищу ненавидимые весь мир субъекты, эти «сверхчеловеки», обреченные Европу на поток и разграбление? Бывший британский поэт в Берлине Невилл Гендерсон с тонкой иронией замечает: «Руководители национал-социалистической партии относятся к себе с уважительной снисходительностью, это дела их похожи на животных. Ведь те никогда не смеются».

«И благословляю PROVIDENCE, которое послало меня спасти германский народ... с убийственно серьезным видом провозгласил Гитлер с трибуны фашистского съезда в Нюрнберге».

Адольф Гитлер, незаслуженный сын австрийского потового чиновника Шicklърбурга, тщеславный и претенциозный, в то же время неуважительный и безыдарный, уже в юности научился ненавидеть всех, кто был лучше, удачнее, талантливее его.

Неудачливый мещанин, презиравший работу, с которыми его ставленник посягнул за работу, шарлатан, кулуарный боец во время империалистической войны лавры железного креста у сившегося соседа по лаварту, он после ноябрьской революции, в 1919 году стал обыкновенным пинком. Его политическая карьера началась в мюнхенской пивнушке «Оберхоузау». Там, в табачном дыму, под аккомпанемент бутылки Гитлер возмужал 25 пунктов «программы» фашистской партии.

Во внешности этого международного преступника, пожалуй, нет ничего примечательного, кроме усиков, выходящих из кончика проволочки, не то черту шею. Он амукот, угрюм, педантичен. Великому обществу предпочитает общество сутенеров, ашшбил, хуланган. Она укрывает его в мнении, что человек сподит от природы. «Человек грешит от рождения. Укрывать им можно только с помощью силы. В обращении с ним поубедительны любые методы. Когда этого требуют политика, можно лгать, предавать, убивать» — сказал он как-то в припадке откровенности быдену своему стороннику Штрассеру.

Поджигатель рейкстага, вихователь тысяч убийств «ни политик и не бегство», Герман Геринг в молодости был летчиком, воздушным пиратом знаменитой эскадрильи Ринхтофена. Тогда уже он приобрел навыки, составляющие отличительную черту его характера — садистскую жестокость. Он морфинист и мьявик. Это документально подтверждено историей болезни, хранящейся в психиатрической больнице, где он лечился.

Геринг — неуважительный пинжакист. В этой области он превосходит, пожалуй, самого Гадлера. Однажды Геринг асхлкнул: «Любо и странно думать, что любовь и возмужание тех прован партии за убийств понесенные мной в связи с ранением 9 ноября, и промента на эту суму!» Гитлер поблагодарил Геринга. Геринг стал депутатом.

Широкую известность завоевал Геринг своим болезненным пристрастием к ордам, громким титулам и почестям. Незарум немцами Берлинцы отряст, что пропавший орден Гининга после доклада пожелал был выдвинуть, наконец, в важной комнате, приоткрытой и викаме. Свою карьеру Геринг начал с того, что украл армейский самолет. Теперь он

отрабатывает всю Европу. Наший злодеиклет, он после прихода Гитлера к власти стал одним из самых богатых людей Германии.

В фашистскую партию Геббельс попал из Берлинского «Романисе кафе», где соблазнил изощренными лекциями, артистично, ионит.

Над его книгами смеялись, его пьесы осмивались. Он олоболся. В литературе он так и не шагнул дальше кафешантана. Зато в политике ему повезло. Он встретился с Адольфом Гитлером.

Геббельс разыгрывает еще большего фаната, чем сам «фюрер». Правда, это отнюдь не мешало ему предавать своего «кумира», когда дела последнего казались невыжанными.

Его беспартийное хождение в интеллигентной жизни Германии оказалось немалодетливо. Берлинский деклар по венерическим болезням Готфрид Бени, выпустивший несколько порнографических «opusов», был произведен Геббельсом в ранг «второго величайшего писателя современности (первым величайшим писателем современности министр пропаганды Геббельс считает романиста Геббельса).

«Сказать легко, делать трудно, делать так, как говоришь, труднее всего», — сказал как-то Гете. Геббельс много говорит, мало делает и никогда не делает так, как говорит.

Он исследователю бывал бит пригом жестоко. Не за убеждения, боже упаси! Кара Геббельс будила, как кошка. Не так давно его публично отоглотил артист Густав Фрелих, возмущенный нападком, приставитом этого урода к жене артиста.

Герой топора и застенков, организатор окранных отрядов (СС), Генрих Гиммлер агстуни в фашистскую партию, имел за плечами

содный опыт по части нарушения разнообразных параграфов уголовного кодекса.

30 июня 1934 года, в ночь длинных ножей, он оказался неземным человеком, собственноручно убитым в убийстве Рема и Шандера. Но выражение одного из гитлеровских приближенных, он «обладает душой и чувствительностью мясника».

Руководитель «гитлеровской молодежи» Балдуф Фой Шандер по встрече с Гитлером вел жизнь обыкновенного великодушного балбеса, которому даже его дворниковое прижидование и связи отца, директора придворного театра в Веймаре, не помогли избежать позора за дебош его ассистента выгнаны из университета.

Отранный умственный кругозор, полное невежество во всем, что не касалось полей, невинность ко всему «существенному» — этого было достаточно, чтобы Гитлер остановил на нем свой выбор. Гитлер не слыхал. Фой Шандер организует в университетах фашистские группы, избивает студентов, учителей, священников, травит ученых, разоряет лектушек. Гитлер оценил его усердие, утвердил этого титулованного громилу в звании руководителя всех молдехозских организаций «стрелы империи».

Там выгнаны представители «высшей расы», «господа», претендующие на то, чтобы править всем миром. Они надолго не обманывали — это их профессия. Они обманли народ мира, а выдут империалистическую войну, псы-хлеб, а держат страну на голодном раке. Они обманли народ свободу, а ввели режим жестокого террора.

Эти ставленники немощных магнатов, вроде Крушна, обогащаются, граба народ. Крушна нашли себе в лице Гитлера и его шайки прокулачу опору. Они стоят друг друга.

И вот эти человеческие народки асолом, инстинктивно организовавшие нападение на СССР. Броуированные фашистские орды отогнулись на советскую землю. Коричневые маршеры покоролись на наши богатства: на хлеб, на нефть, металлы. Народы великого Советского Союза они хотят превратить в рабочий скот.

Бредовые мечты многогранных високотел! На советской земле они найдут себе только могилы.

Рисунки Е. Веберниковой

ЧТО НЕСЕТ ГИТЛЕР МОЛОДЕЖИ

«Культуру...»

«...Работу»

Для несогласных предоставляется «пожизненное пространство»...

ПСИХОЛУ ВЛАСТИ

Москвичи

Перевод с немецкого

Фашистские «теоретики» установили тип истинного армейца. Это потюмок армянских германцев, этот современник Зигфрида должен был обязательно безукорно, обязательно синглазным, обязательно стройным. Это не очень остроумно, так как трудно найти среди руководителей фашистской клики такого, который отвечал бы всем этим требованиям. Было бы гораздо логичней, если бы они, равняясь хотя бы по своему ваятелю, определили чистого армейца так: мутный взгляд, желваки на лице, истерическая напыщенность и выгнутый носок.

Именно таким увидел я «фюрера» девять лет назад в мюнхенском Дворце юстиции во время судебного процесса, на котором он был обвиняем, а я судебным экспертом. Дело было вот в чем. Некий Вернер Абель, ближайший соратник и адъютант Гитлера, написал статью, в которой доказывал, что Гитлер изменил войну. Почему возбуждался против своего патрона Абель, чего не поделили галавари этой шайки, так и осталось неизвестным. Но Абель не враг: он с Ремон и Гейнсом присутствовал при том, как Гитлер возмущал Муссолини через Миллатери десять миллионов лир.

Мюнхенский Дворец юстиции был переполнен штурмовиками. Их привело сюда не любопытство. Им было дано четкое и несложное задание — терроризировать суд и свин детеныш. Они это делали по всем правилам фашистского этикета.

Суд был совершенно терроризирован штурмовиками, процесс складывался так. Два дня мне пришлось провести в маленькой комнате позади зала заседаний. Заше же мне время находилось и Гитлер со всеми подручными. Среди них был также Франк — второе издание непреодолимо враня Гоббелса, теперешний палач польского народа, и многие другие.

Не надо было быть психиатром и не нужно было двухдневного наблюдения, чтобы установить психопатю Гитлера.

Старый английский психиатр Причард нашел для таких типов определение «моральные безумцы». Он утверждал, что эти люди в обществе чрезвычайно опасны: они не умеют сдерживать своих болезненных склонностей и стремлений. Однако, говорил он, они великим образом за себя постыжили.

Гитлер ходил по маленькой комнате, неуклюже переваливаясь на своих толстых ногах и вливая слезы. Видно было, что он это всецел себя старается дожить и не лезет. Все его жесты напыщенны в театральны. Его презрительны вертелся тул же, они с подобострастием выполняли смутную церемонию, которой простые смертные должны приветствовать «фюрера». Это был отвратительный и смешной фарс.

Гитлеру не удалось до конца выдержать позу, которую он принял было сначала. Его виденье, волновал исход процесса. Его адъютанты то и дело бегали из зала и приносили ему донесения. Он выходил из себя, истерически кричал на своих молодых, размазав слезы, дергался, гримасничал. Потом сползавался и снова напускал на себя напыщенный вид и разражался монологами самовосхваления.

Все известные симки Гитлера не дают правдивого представления о нем, как он в самом деле. Только в Москве я увидел покойный портрет, это была карикатура а одним из «Юнон ТАСС». Он карикатурен в действительности: все, что он изображает, состоит из рта и подстрекательных маленьких усиков. Рот все время жуеет, в крошечных глазах нельзя уловить ни малейшей мысли...

На третий день процесса Гитлер вошел в зал суда. Тут Гитлеру неслыханный успех: Гитлер с поднятыми кулаками бро-

сился на Абель. Рот его был в пене, лицо перекошено. Как ни был загнан суд, он все же оспаривал будущего рейхсканцлера за худиланское повеление.

Судьям не удалось вытнуть из Гитлера ни одного ясного ответа. Вместо этого он начал отвечать на вопросы судьи, начиная с обвинения в о зловещей роли сплестеля. Он произносил и с своей роли голосом, и к концу у него обычно вскипала на губах пена, намозола вылезала и судорожно дергалась ушка. Так истерически замыкает он сейчас на всю Германию.

Суд вынес приговор, какого хотел Гитлер: Абель приговорили к каторжным работам, его самого оправдали.

Однако для Абелья этим дело не кончилось. Через девять месяцев, когда Гитлер пришел к власти, он разыскал Абелья в одной из деревень приискал убить его. Так же он расправился со всем составом суда. Еще через год он собственноручно застрелил сплестеля Гейнса, который присутствовал при первом дознании Муссолини. То, что Гитлер забыл обо мне, — несчастная случайность. Впрочем, я вовремя бежал из Германии.

Так расправляется со свидетелем своего прошлого не один Гитлер. Это метод всех предательских кознейных банда. Я знаю, как и почему «покончил с собой» мой близкий друг Эдмунд Форстер, психиатр Грейфсвальдского университета. Во время первой империалистической войны он оказал услугу нынешнему германскому министру культуры и просвещения Русту.

Руст бежал с фронта, симулируя перелом ноги. Но он был разоблачен доверенным охотником — суровым наказанье. Форстер, который был судебным экспертом, доказал, что Руст немощен. Так Руст избежал кары.

Когда Руст, этот умственный дегенерат, стал министром, бывший Форстер занялся с нему респект ассигнований на научную работу в университете. Славяне русского и уголовного-министра состоялись. Через два дня был выдан труп Эдмунда Форстера и была пущена версия о самоубийстве. Я видел Форстера перед свиданием с Рустом. Я хорошо знал Эдмунда, эту светлую голову, этот новый ум. Он не мог покончить с собой. Его убил. Единственное его преступление состояло в том, что он был вынужден, что он применил человеческие нормы к людям, не имеющим человеческого облика.

Все главаря фашистской банды любят хвалиться боевыми ранями, которых они не получили, орденами, которыми их не награждали, победями, которых они не одерживали.

Так Геринг носил ордена летчика Мильха, которого он в награду за это объявил чистым армейцем, несмотря на то что отец Мильха — еврей. Я знаю эту историю очень хорошо, мне рассказывал ее брат Мильха, известный специалист по детским болезням. Я знаю, как Геринг заставлял подругаться униженно старую женщину, их мать: она вынуждена была по требованию Геринга написать заявление о том, что ее сын — влод измены мужу, что он сын немца, а не еврея.

Я мог бы продолжить описание патологических типов, правивших теперь Германиею и их мерзких дел — достаточно я их насмотрелся в Германии, — но от этого топшит, как топшит человека, дышавшего чистым воздухом и вступившего в ряды, где мир и гонение. Я дышу теперь чистым воздухом Советского Союза. Я с болью вспоминаю о Германии.

Люди, которых мести за революцию или в сумасшедшем доме, людей, одетых которых должны быть тюремный халат или горючая рубашка, еще ходят по земле и отравляют воздух своим дыханием. Свищевая война, которая ведется против врагов всего человечества!

Мы, москвичи, познанные в кино Ночных сирен шальные голоса. Крутой пунктир транскурирующей туман И рев зениток, рвущих небеса. — Мы на посту.

Окончено земные. Вовоет воздух и затаня тверды. Мы у орудий, на гремящей крыше. На «стрекобе».

Мы презираем смерть. Враги боятся в солнечную пору Кружить над нами.

Но приходит тьма. И вот мильоны избират воры Театры и родильные дома. Что ж, за удар мы воздаем стогорней! Ликие «асес» рывулись назад.

Но кто замесит руку над столицей. Тот ружик наземь, пиланмен обьят. Ты слышишь рокот вражью мотора? Служи его прожекторным лучом.

Пускай узнают гангустеры починю. Как зашнцуют город москвичи! Мы, москвичи — зенитчик и полярник, Проекторист и летчик боевой. — Мы, упрямодои, мильчутными, перни.

Кларета обороняющие снась. Нам каждый камон близок здесь и дорог

И созданные нами корпусы, И Кремль.

Красной пашали просторы. И наши подмокотные ассы. Здесь жила мы, работала, любила. Здесь будем так же счастливы и впрядь.

Во имя этой правды, этой были Фашистский корпус дождя умереть. Из каждой гря, когды, ошнств небо.

Уходит ночь и в море тишины. Последний шаг растаял, словно не был. Когда итоги бою сочтены.

Мы вылет, этот сожжен и искореняем. Как ржавый хлам на тавшей траве. Лежит палат Багдара и Донкера.

Нашедший смерть на подступах к Москве.

Фото Б. Кудрякова.

Сбитый на подступах к Москве фашистский самолет, установленный на одной из площадей столицы.

МЫ ОБВИНЯЕМ!

Рисунок В. Брискина.

Принято говорить: слепая жестокость. Но они видят.

Они хорошо видели детей, шедших вдоль Пескового шоссе, и трездым возвращались, чтобы расстрелять, чтобы добить наших малышей с брезентового полотна.

Они имели полную возможность разглядеть с четырехсотметровой высоты, кто едет в поездах, над которыми хитро кружили их стартерники, и они все же сбросили на женщин и детей свой смертоносный груз.

И красный крест на крыше львовского госпиталю был доступен их зрению. Все же они разбомбили этот госпиталь, как и другие госпитали и санитарные пункты, как санитарные машины, наполненные ранеными, как встречные или санитарные поезда. Они поравняла тех, кто беспомощно лежал на койках и операционных столах, и тех, кто отчаянно спасал жизнь раненым товарищам: сестер и врачей, совершающих свое милосердное дело под грохот и разрыв снарядов в операционной, засыпанной артиллерийской.

«Это они порождает термин, введенный еще в историю войн: «повторно раненые».

Пусть будут прокляты трусливые убийцы беззастенчивых! Да, они трусливы. Мы знаем, они уклоняются от рукопашных схваток. Зато они испытывают садистическое наслаждение, истязая слабых, безоружных, тех, кто имел несчастие попасть в плену и безраздельную зависимость от них.

Нет ничего страннее, когда человекоподобное получает физическую власть над человеком!

Ужас и физическое омерзение вызывают расправы фашистов над жителями захваченных сел и городов. Гнев наполняет сердце при чтении статей сообщений изданий «Информбюро», в которых дробь повсего отрывочные рассказы тех, кто оказался свидетелем этих кошмарных сцен.

Потрясающе жестоко Любачев. Приставляя револьвер к виску ребенка, падал сидит до трех: «Ein, zwei, drei...» Если при слове «drei» мать не вызовет имен и адресов советских работников, ее сын будет «убит». Такая практика ведется одновременно во многих домах. А потом — массовая резня...

За что? «Для порядка» — как ответил пленный немецкий офицер, увидевший девушку только за то, что она не сыграла ему на гитаре.

«Для порядка» в селе Ляхе закопаны живыми в землю жена и дети колхозного активиста. Во имя, должно быть, того же «порядка» изнасилованы и расстреляны 18 девушек из села Ляды, в числе их и тринадцатилетние подростки.

В Уляховке 5 июля казнили 15 раненых красноармейцев. В Дубинковском районе сожжена семья советского служащего. В одном из захваченных немцами сел председателя сельсовета пятидесятитри крестьянина Николаем был привязан к двум тысячкам и разорван на части...

Кровью залили форшты улицы Львова, Мінска и Бреста, города, где они буквально «стреляли» население.

Области жестоком, закопаны живыми, разстреляны... Длинный черный список, в котором отразилась чудовищная изобретательность фашистов, проявившая их творчество в палаческом деле — единственный вид творчества, который им доступен.

Звери? Но к несчастью, они обладают некоторыми человеческими особенностями: человеческим языком, писемностями. И человеческими словами, человеческими буквами они записывают в приказы слова и фразы, в которых нет ничего человеческого: «Лид, кто принадлежит к советскому строю тот-но установленна, надо избреть...»

Человеческими словами пытаются они унизить свой звериный девиз. И в Памятке немецкого солдата, в одной из абзацевых

Леготубайра.

ему в голову «заповедей», соображает, что красноармейцы нередко «притворяются мертвыми» и посему их надо «немедленно уничтожить». Иными словами в Памятке немецкого солдата черным по белому написан приказ — добывать раненых.

Холодная методичность и преданность — вот что характерно для жестокости убийц-гитлеровцев. Все предусмотрено заранее. Подкожи они совершают с помощью специальных приспособлений, изготовленных в заводских мастерских. Заранее готовят они асортированные специальных предметов, необходимых «крестостуду» гитлеровского войска. Колхозников из артели «Свободный труд» избивали плетями из стальной проволоки с металлическими наконечниками.

Никогда они пытаются напасть на глаза у населения немцы «заботливо» перевязывали израненных раненых. Перевязывали лишь затем, чтобы тут же, отойдя на ступню шаг в сторону, сорвать повязку, замучить, повесить...

Лютую, неистребимую ненависть и безграничное презрение возбуждают у нас уловки этих убийц.

Стоны замученных братьев стоят у нас в ушах. Пелел сожженных друзей стучит в наши сердца. Страшный, долгий список предаваемых нам прослитоному врагу — список, где стоит множество имен, а именных мы не знаем... Сюда вписаны дети, мертвыми глазами глядящие в небо, откуда пришла к ним смерть. Львовская девушка, чей неразурванный труп был выброшен на помойку, старик-колхозник, растоптанные немецкими танками. Мы обвиняем врага, и мы слыши, мы будем мстить за них жестоко, беспощадно!

В этом списке записаны не только мертвые, но и те, чьи души искалечены видением, чья жизнь на долгие годы отравлена, для кого потухло солнце и померкло небо. И еще одна душа включена в этот список. Это поруганная душа немецкого народа, который пытается разучить думать, который стремится извести до уровня зверя. В этом списке ослепленная, обезображенная душа народа, давнего некогда миру великие культурные ценности, народа, чья страна теперь по вине оголтелых разбойников стала пристанищем кровавых чудовищ.

Фашистское командование начало свое разбойное нападение на нашу страну с того, что вошло в действия огромное количество танков. Развернулись танковые соединения исключительного размера и ожесточенности.

Немецки генералы пытались применить против Красной Армии ту же тактику, которую они с таким успехом применяли против бельгийской, голландской и французской армий. Эта тактика сводилась к тому, что танки продвигались к основным пунктам, не обращая внимания на свои флажки, тыл и потери. За танками следовала пехота.

Фашистские стратеги рассчитывали, что непобедимый прием и на этот раз не подведет. Как жестоко было их разочарование! Красная Армия отвечает молнией ударами на авантюристическую тактику врага. Сила врага мы противопоставим несокрушимую мощь советских танковых соединений.

Хваленая танковая армия несет огромные потери. За полтора месяца войны немцы потеряли свыше 6000 танков. С каждым днем растет количество побивших германских танков.

Наши танкисты скоро выяснили «какие-то» пути фашистской танковой армады.

Основной танковый парк немцев состоит из легких машин. Это так называемые танки типа Т1 и Т11. Вес их — около 40 километров в час, толщина брони — 14 миллиметров. Экипаж танка состоит из 2—3 человек. Вооружение — 2 пулемета и 1 пулемет-пистолет. Модернизированная серия танков Т11В имеет на вооружении одну 20-миллиметровую пушку и пулемет. Слабая броня и недостаточное вооружение делают эти танки весьма уязвимыми.

Средний германский танк Т111 и Т11V весит 20—23 тонны. Скорость его — около 40 километров в час, брони — до 30 миллиметров, экипаж — 5 человек. На вооружении танка состоит 47- или 75-миллиметровая пушка и 3 или 2 пулемета.

Эти танки основательно потропаны нашей артиллерией. Броню средних немецких танков пробивают не только артиллерия, противотанковые пушки и орудия наших танков, но и 75-миллиметровые орудия наших бронемашин.

Тяжелых танков у немцев мало. Только порядка до полка сражаются восточными театрами танки «Фейнштейн», вооруженные 75-миллиметровыми орудиями.

Столкнувшись с мощными советскими танками, ощущая острый недостаток в тяжелых машинах, немцы пытаются использовать французские сухопутные бронированные типа «С», имеющие броню толщиной до 50 миллиметров. Видно, не блестящий деда фашистов, если им приходится прятаться за французскую броню!

Германские войска придерживаются следующей тактики: вперед они бросают массы легких танков, прикрытых средними танками, а вслед за ними идут машины всевозможных систем и типов: танки «мехосомы» и французские танки. В этом построении можно встретить и дотопонные экземпляры, чуть ли не в своем вершине импералистической войны. Все, что может двигаться своим ходом, бросается в бой. Эта разносторонность немецкого танкового парка, требующего запас-

ных частей самых различных марок, тоже свидетельствует не о силе, а о слабости врага.

Эти приемы характеризуют авантюристическую тактику фашистских стратегов, рассчитывавших на легкую победу, на быстрый и успешный прорыв. Вражеское командование старается выискать качество своих машин возместить их количеством.

Танковыми операциями немцы управляют по радио. Используя опыт войны на Западе, штабы танковых корпусов движутся обычно в тылу частей. Ведь они привыкли к тому, что прорыв означает разгром и отход войск противника! Именно этой тактикой и прославился германский генерал Гудериан, теоретик танковой войны. Генерал ошибся. Он пад жертвой собственной теории. Следую в тылу своего корпуса, генерал вместе со штабом попал в руки партизан.

О том, как советские войска расправляются с «непобедимыми» танковыми частями пропаганды, может дать представление история разгрома 39-го немецкого танкового корпуса. Этот корпус считался сильнейшим в германской армии. Он был укомплектован лучшими машинами и находился под командой отличнейшего военного специалиста генерала Шмидта. В состав корпуса входили 2 танковые и 2 моторизованные дивизии, 5 артиллерийских полков, 33-й авиационный корпус получил задание «прорвать наш фронт на мисском направлении, выйти в тыл и отрезать отход наших войск. Высшее командование потребовало от генерала Шмидта высоких темпов наступления. Вель именно эти темпы и связались генерал. На быстрый маневр он построил свою карьеру.

Встретив упорное сопротивление наших войск, танковые части корпуса в поисках выхода из ловушки бросались из стороны в сторону. За это генерал Шмидт получил нагонный от верховного командования и в свою очередь выменял свою злость на полученных. Хваленая немецкая организация начала давать осес-

ки. Связь с войсками все чаще нарушалась, приказы теряли свою точность, все чаще в них попадались искажения, ошибки.

Команды подразделений дажда разпореченности распроежениа.

Генерал Шмидт слал главному командованию лжяные рапорты о своих «победах». И вот в 2 часа ночи 27 июля наступила развязка. Основательно танкроморенная красная армия, части 39-го корпуса водворжались атаке наших танков.

После боя 300 вражеских машин были брошены в струдь железного лова, штаб корпуса разгромлен, генерал Шмидт убит.

Фашистские машины уничтожаются в первую очередь артиллерией. Однако все боевое средство действительна против танков. Наиболее уязвимые места танков — коловая часть, в частности гусеница, смотровые щели, приборы наблюдения, крыша танка над моторным отделением. Советские снайперы лавдали из строя не одну позничательскую машину, метко поражаа экипажа танка. Вражеские машины можно истребить с помощью миш заряджениа, минометов, пулеметов, гранат и бутылкок, наполненных горючей смесью. Так действую наши бойцы, из которых создаются истребительные противотанковые отряды, так действую партизаны.

Мощное средство разгрома танков — звуковые коммуникации противника, уничтожение его ба горючего. Эта задача успешно разрешается нашими летчиками, танкистами, пехотинцами, партизанами.

Нередко противники арывают свои танки в землю, превращая их в неподвижные огневые точки. Делается это не от хорошей жизни: им нехватает горючего, Красная Армия заставила врага рыть могилы для своих машин. Зажоппанные в землю, танки становятся легкой добычей авиации бомбардировщиков, артиллерии и танков.

Наша земля будет могилкой для всей армии немецкого фашизма!

Как бороться с танками противника

Бойцу надо знать, что зорилель и наблюдатель танка черз щель видит очевую полосу местности. Находясь в укрытии (щели, окне и т. д.) или же своего укловжениа в сторону от пути следования танка, боеи может остаться совершенно незамеченным. Танк противника нестрашен и может быть легко уничтожен следующими средствами:

- 1) метким огнем по щелам танка;
- 2) связкой гранат из 5 штук, броненных под танк;
- 3) бутылками с зажженным бензином.

Бутылки заранее должны быть наполнены бензином и закупорены так, чтобы не вытекла бензин. Горючим или же жидкою частью бутылки обвязать быстро воспламеняющиеся материалы (марля, лен, кузель, пакля и т. п.). Перед бросанием в танк материал, привязанный к бутылке, смочить бензином и зажечь (спичкой, зажигалкой). Зажженная бутылка должна быть немедленно брошена в танк в таком расчете, чтобы она попала на переднюю часть танка — место нахождения щелей для наблюдения, и есть перед башней. В случае нахождения бойца сбоку или сзади танка бутылку бросать в башню.

При ударе о танк бутылка разбивается, бензин воспламеняется от горющего материала и, проникнув внутрь танка, поражает экипаж. Если же танк атаковать танком, то необходимо уничтожать орудийным огнем. Уничтожайте также пехоту противника, следующую за танками, орудийным огнем, гранатами и другими средствами.

Товарищи! Смело и решительно истребляйте танки и живую силу врага!

НА СТРАЖЕ СТОЛИШЫ

Жильцы нескольких деревянных домов Ленинского района Москвы написали возмущенное коллективное письмо в свой районный совет. Они рассказали о неизвестном им парке, почти подросток, который в одну из ночей воздушного нападения с поразительным мужеством отстоял их дома, их жизнь, имущество. Этот парень швырял в чердака горящие бомбы, ломал пальчатые баллы, составлявшая подачу воды,— словом, работал так, как будто защищал дом собственной матери. Потом он слез с чердака, мокрый, в саже, без кепки, полуобгорев, потерял один ботинок — и пошел еще куда-то на полмосту. Жильцы цросяни райсовет выяснить личность паренька и как-то отметить его скромность и стойкость. Эти качества Леонида Рапопорта, 15-я школы Ленинского района, отмечаем теперь перед всей страной. Правительстве наградило смелого комсомольца, доблестного бойца молодежной пожарной роты, медалью «За боевые заслуги».

Комсомольские пожарные роты появились теперь во многих районах города. Они действуют автономно в масштабе.

В объединение одного из комсомольских взводов ночью избежал миллионер:

— Товарищи, скорей! Загорелась крыша жилого здания...

Старшина Темкин с шестью бойцами отправился тушить пожар. Впервые в жизни техник-строитель Темкин, слесари Баранов и Иванов, ученики Бугров и Шаурин, молодые рабочие Усов и Скулачев вступили в единоборство с огнем. Бомбардировка не прекращалась, но бойцы были так поглощены делом, что забыли об опасности. Темный, густой дым слепил глаза. Туманно тонуло гарь. Шесть зажигательных бомб ажгли крышу, и надо было ее тушить немедленно, чтобы враг потерял ориентир для новых атак. Темкин и

Фото О. Ландер.

В дозоре Владимир Калабузник, активист пожарной дружины дома № 21 по Илюжиному переулку.

его отряд смело вскрыли крышу, загасили очаг пламени. Здание было спасено. Отважно вел себя и взвод комсомольца

Шиврева. В тяжелой обстановке пришлось поработать этим юшмам. В полночь отряд, охраняя жилые дома своего участка, как всегда, заняв наблюдательные посты, проверил все оборудование: ручные насосы, гидроцентры, ухваты, взорвался фугасная бомба. Некоторых бойцов свалило с ног, засыпало землей, грязью. Варьяная волна отбросила их с мест наблюдения. Семерых ранено, командира ударило в ногу. Но оставшиеся комсомольцы, падая, успели заметить, что в один из домов попало несколько зажигательных бомб. Юноши нашли в себе силы вырваться и броситься на помощь. Пожар был потушен.

Каждая ночь делает известными имена патриотов, перед мужеством которых отступает огонь. Из коротких газетных строчек мы узнаем, что орденем Красной звезды награжден Орест Шенцов, боец истребительного батальона. Что сделал этот юноша, такой крепкий на вид, спортсмен, меткий стрелок, хороший пловец? Две ночи он дежурил у ворот склада. Залез ярыг сбросил много зажигательных бомб. Орест Шенцов подползал к стабильной птышкой и опускал в холодную воду. Так он потушил пять бомб. А когда на салдующую ночь шестая, пламенная крыша, попала в затертый скалд, Шенцов бросился к раме, с силой проломил ее колесом, руками разбил стекло и выталзил тлеющую сваяю. Лишь после прихода другого караула Орест, у которого осколками стекла были в кровь разбиты руки и ноги, отправился на медицинский пункт.

Кто такой комсомолец Орест Шенцов, этот отважный пожарник? Смотрите его зачетную книжку — он студент четвертого курса химического факультета Московского университета. В казну юности заканчивал свою научную работу «Исследование стертантмакс бензина».

Фото Я. Красуцкого.

В ДОМЕ № 6

Смелая дружина молодых пожарных, организованная музыкантом Александром Родноновым, хорошо известна всему населению 4-го переулка. В час тревоги на крышах самых высоких домов, № 6 и № 8, стоят на страже постоянные дозоры. Электромонтажник Алексей Ордыничко зорко наблюдает за падением зажигательных бомб, студент-машик Леонид Бенедиктов быстро сбрасывает их с крыши, внизу жильцы дома и дворник занимают тушением. А где же Климент Гун и Олег Муравиня, последние чердачка? Оказавшись, начальник команды отправил их на полмосту соседям. Опытные дружинники всегда без зова спешат туда, где требуется их помощь и совет. Роднонов и его молодых пожарных хорошо знают и в московской пожарной службе. Не только потому, что дружинники в ночи верных палатов оперативно и смело обезвредили пятнадцать бомб. Важней предупредить пожар, чем термически тушить. А в доме, который баргут эти дружинники, прекрасно поставлена профилактическая работа. Двор чист и свободен от всякого лома и хлама: его урала на субботнике молодые бойцы. Отгнившие деревянные строения разобраны командой. Противопожарный инвентарь проверен и работает четко и безотказно.

На пожарной посту. Боец Олег Мурашкин.

Надя Бакалирева дежурит в подвездном доме № 8.

Управдом Сергей Скирнов и жилец дома № 6 Александр Роднонов, организатор пожарной команды в 4-м переулке.

Днем девушки-старички-массинки учатся оказывать первую помощь раненым.

Наблюдательный пост занял себя жести на крыше дома.

Р. ЛЬВОВ

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ БАРОНА МОНХГАУЗЕНА

В берлинском сумасшедшем доме было большое оживление. Ожидали Фюрера.

Фельдфебель Отто Киндлермердер, незанятый назначением главным врачом, ретировался с главным приватистом фюрера: он наускивал на них свою собаку. Собака хватала больных за икры, а больные протягивали вверх правую руку и дружно кричали «Хайль!».

— Хочу доказать, что человек может самого себя подвязать за волосы.

— Безнадельный больной, герр фюрер,— грустно сказал фельдфебель Киндлермердер.

— Ерунда! Нервничай бред!

— Я здесь, герр фюрер!

— Взять этого барона в милитарство пропанагни.

Ганс Шмидт подвязал тысячу двести советских танков при помощи проволочной зубочистки. Фюрер приказал награждать его «железными крестом», отправить на подводах в тыл и выдать его семье половину белого хлеба.

Обескураженный барон отправился на свое место и развернул очередное донесение генерала Мальбрука.

Донесение было какое-то странное. «Поход состоялся в жаркий день,— писал генерал,— и танки шли так отсталыми от трофеев, что сегодня мы продвинулись вперед всего на четыре сантиметра, да и то на четверных». — Гм, странно,— проворчал барон, кусая карандаш,— этот Мальбрук, кажется, спятил... Напишем так: «Ввиду жаркой погоды наше продвижение несколько замедлилось. Советские солдаты шпирит, роняя по пути трофеи. Сегодня мы продвинулись на четыре двадцатых того расстояния, на которое мы продвинулись вчера».

Геббельс по обыкновению, остался недоволен сводкой.

— Слишком тонко и сложно,— сказал он,— нужны более грубые кушанья. Напишем так: «Коллектив свиряков, которые мы за сегодняшнее утро вывелиши по горам Сибири, настолько велики, что колодезь русский воздух нагрелся до точки кипения. От Каспийского моря поднимаются сильной пар, который несколько задержал наше молниеносное продвижение вперед. Кроме того сильно мешают горы трофеев, бронешных на дорогах. Мы продвинулись на четверек».

— На четверек— чего?— недолго спросил Фюрер.

— Вы старый осел! Когда Геббельс говорит «на четверек», каждый полновесный арнец понимает: «на четыре государственных. Мерить».

расстояния километрами устарело. Старый барон потушился и алдур горкой задалок и...

— Герр министр,— проговорил он с трудом,— как я жалеею о том добром старом времени, когда за вражеской линией рассказывал своим друзьям, как я нанялся шесть уток на одну пудю. Теперь, когда мне приходится назначать тысячи уток и с утра до вечера тить пудя, я понимаю, что действительно я устарел для этой работы...

— Молчите,— крикнул Геббельс,— а то мы вас...

— Поможете обратно в сумасшедший дом?— с надеждой спросил барон.

— Нет. Мы найдем в вас примесь неполюционной крови—славянской, норвежской или грецкой—и послани вас в концентрационный лагерь.

Барон хотел что-то ответить, но не успел. Раздался страшный грохот. В окне мелькнули какие-то страшные кустики: барону показалось, что это усм и сапога фюрера. Когда дым рассеялся, барон увидел императора и самодержца Александра IV. Император был бледен и сильно помят. Он держал в руке уток, от которого шел противный запах.

— Боже мой, как скверно пахнет!— воскликнул барон.— Что у вас в руках, ваше величество?

— Это штаны генерала Мальбрука,— печально ответил император,— все, что осталось от него и от его армии.

— Знаете что, ваше величество,— сказал барон,— мне кажется, что все наши руководители сошли с ума и только в сумасшедшем доме сохранялись еще здравомыслящие люди. Вернемся же туда лоскорок!

И они вошли по дороге, объяснившись.

...Один старичок пытался подвязать самого себя за волосы, а другой жонглировал скитнером и коровой.

Фюрер появился в спироколенном блестящей свиты.

Он подвез к двум старичкам, на которых одна пыталась подвязать самого себя за волосы, а другой жонглировал скитнером и коровой.

— Почему не приветствуете своего фюрера?— грозно спросил он.

— Я сам фюрер,— ответил старичок с коровой.

— Имя?

— Александр IV, император и самодержец всеороссийский!

— Безнадельный больной, герр фюрер,— должила вслушанный фельдфебель.

Фюрер намурился.

— Когда я разобью большевиков, и наизапу вас русским царем,— сказал он.

— Благодури вас,— кидло отвел старичок с коровой,— я еще с ума не сошел.

— Генерал Мальбрук!— крикнул фюрер.

— Я, герр фюрер!

— Назначу этого человека вашим аэлоаотом,— обратился фюрер к старичку с коровой,— возьмите его с собой в Россию.

— Слушаю, герр фюрер!

— А вы кто?— спросил фюрер у второго старичка.— Почему не приветствуете фюрера? Вы еврей?

— Нет,— поспеию ответил второй старичок,— я барон.

— Имя?

— Монхгаузен.

— Как?— удивленно сказала фюрер.— Вы барон Монхгаузен? Знаменитый арнец! И вы сидите в сумасшедшем доме?! Чем вы тут занимаетесь?

— Слушаю, герр фюрер!

— Пусть обрабатывает сводки, которые будет присылать генерал Мальбрук!

— Позвольте,— заинтересовался барон,— это тот самый Мальбрук, который «на холод» сворачивал?

— Он самий...

— Очевидно, привык познатькомиться с генералом генералом,— галитно сказал барон,— теперь я не сомневаюсь, что ваши армии действительно будут непобедимы!

Работа барона Монхгаузена в министерстве пропаганды началась с составления утравенной сводки. Генерал Мальбрук в своем донесении сообщил, что за вчерашний день подбито 120 немецких танков.

Барон взял карандаш, замаркировал слово «аеменцка» и сверху акрутно надписал «советских». «Фюрер прав,— подумал он при этом,— такие люди, как я, не должны продавать в сумасшедшем доме».

И он внес свою сводку Геббельсу.

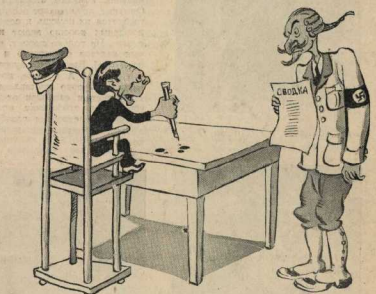
Идиот!— крикнул Геббельс, прочитав сводку.— Что вы тут наизапу?

— Позвольте,— обиделся барон,— вы имете дело со знаменитейшим арцем Германии!

— Молквы вы куриня,— заричал Геббельс,— а не знаменитый арнец! Разве так врут? Давай карандаш!

Он вырвал из рук оторопешего старика карандаш и выправил сводку так:

«За вчерашнее утро ефрейтор

— Молчите,— крикнул Геббельс,— а то мы вас!